

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS**ОБЗОРЫ / OVERVIEW****ГРАММАТИКА
ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА И. А. НИКОЛАЕВОЙ
И ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ***

© 2015 г. Иван Андреевич Стенин

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
ystein88@gmail.com

В работе рассматриваются основные особенности грамматики тундрового ненецкого языка, многие из которых весьма примечательны с типологической точки зрения. В центре внимания находится монография И. А. Николаевой «Грамматика тундрового ненецкого языка» (De Gruyter Mouton, 2014), затрагивающая многие практически не изученные до сих пор вопросы синтаксиса этого языка. Подробно обсуждаются сильные и слабые стороны данного описания, его значимость в общем контексте исследований по самодийским языкам.

Ключевые слова: самодийские языки, тундровый ненецкий язык, типология, (морфо)синтаксис, грамматическая семантика, фонология

**I. A. NIKOLAEVA'S TUNDRA NENETS GRAMMAR
AND SOME ISSUES IN SAMOYEDIC DESCRIPTIVE STUDIES**

Ivan A. Stenin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
ystein88@gmail.com

The paper discusses the main features of Tundra Nenets grammar, which is in many respects quite peculiar from a cross-linguistic perspective. Special attention is paid to the new book by Irina Nikolaeva «A Grammar of Tundra Nenets» (De Gruyter Mouton, 2014) uncovering a great deal of hitherto virtually unexamined aspects of Tundra Nenets syntax. Careful consideration is given to the weak and strong points of the description as well as its important role in the context of Samoyedic studies.

Keywords: Samoyedic languages, Tundra Nenets, typology, (morpho)syntax, grammatical semantics, phonology

Введение

С момента выхода фундаментального обзора [Helimski 2001], обозначившего актуальное положение дел в самодистике, прошло менее 15 лет. Нельзя сказать, что за это

---

* Исследование частично поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884. Я благодарен В. А. Плунгяну, В. Ю. Гусеву и А. А. Козлову, прочитавшим работу в рукописи и высказавшим ряд ценных замечаний. Разумеется, все ошибки и неточности остаются исключительно на моей совести.

время произошли кардинальные изменения, однако исследовательский ландшафт в данной области постепенно преобразуется, и она понемногу превращается из абсолютно традиционной в современную. Несомненно, диахронические и этимологические штудии по-прежнему занимают здесь важное место; см. прежде всего работы А. Айкио (Л. С. С. Анте) [Aikio 2002; 2006; Ante 2012], В. Ю. Гусева [Гусев 2002; 2007; 2008; 2012a], Т. Салминена [Salminen 2012], а также [Mikola 2004]. В настоящее время ведется активная работа по оцифровке архивов Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, Н. М. Терещенко, А. П. Пырерки, А. П. Дульзона, М. А. Кастрена, Е. А. Хелимского и других видных исследователей самодийских языков, так что архивная деятельность тоже представляется многообещающей. Среди исследований контактов выделяются статьи, посвященные особенностям говорки на Таймыре [Гусев 2012б; 2013; Урманчиева 2010]. Внимание привлекает также продолжающийся проект по созданию диалектологического атласа языков ЯНАО, проводимый совместно новосибирскими учеными во главе с Н. Б. Кошкарёвой и московскими коллегами под руководством Е. В. Кашкина. Отдельного упоминания заслуживает книга [Аникин, Хелимский 2007], посвященная самодийско-тунгусо-маньчжурским лексическим связям и находящаяся, таким образом, на стыке компаративистики и ареальной лингвистики. Продолжают выходить словари [Казакевич и др. 2002; Alatalo 2004; Быконя и др. 2005; Хелимский 2007; Казакевич, Будянская 2010; Буркова и др. 2010], хрестоматии [Wagner-Nagy (szerk.) 2002] и сборники текстов [Кошкарёва и др. (сост.) 2007; Турутина 2003], а также монографические описания отдельных фрагментов грамматики [Wagner-Nagy 2001; Кошкарёва 2005]. Это лишь некоторые публикации, их реальное число существенно больше.

Однако необходимо отметить, что исследовательская активность растет не только в таких традиционных для самодистики областях, которые перечислены выше. В последнее время появляется значительное число работ, свидетельствующих о том, что ученые, занимающиеся самодийскими языками, стремятся вписать имеющиеся у них данные в более широкий контекст и осмыслить их с учетом новейших достижений типологии, общей морфологии, синтаксиса и других лингвистических дисциплин. Сравните хотя бы книгу [Wagner-Nagy 2011] о типологическом своеобразии отрицательных конструкций в обско-угорских и самодийских языках, а также серии статей С. И. Бурковой, В. Ю. Гусева, А. Ю. Урманчиевой, А. Б. Шлуинского, О. В. Ханиной и др. (некоторые из них будут названы ниже), большая часть которых посвящена в первую очередь грамматической семантике и представляет ненецкие, нганасанские, энецкие (и в меньшей степени селькупские) данные в типологической перспективе. Примечательно, что в большинстве своем эти исследования основаны на новых материалах, полученных авторами в ходе полевой работы. С другой стороны, важно также, что интригующие факты самодийских языков начинают попадать в поле зрения не только типологов, но и теоретиков; сравните выполненные в рамках теории оптимальности описания нганасанского ударения и чередования ступеней согласных в диссертации [Vaaysman 2009] и дебуккализации и апокопы в малоземельском ненцеком в [Kavitskaya, Staroverov 2010], а также анализ глагольного согласования в нганасанском и тундровом ненцеком в терминах дистрибутивной морфологии в [Kröhnert 2010].

Наконец, впервые за долгое время начинают появляться новые грамматики самодийских языков: это энецкие грамматики [Сорокина 2010; Siegl 2011¹], а также совсем недавно вышедшая в свет грамматика тундрового ненцекого [Nikolaeva 2014]. В дальнейшем я хотел бы сосредоточить внимание на подробном разборе именно последней книги, поскольку ее выход ознаменовал собой своеобразную важную веху: до этого, пожалуй, наиболее изученный из самодийских языков не имел всестороннего описания. Указанная монография представляет собой первое относительно полное описание грамматики тундрового ненцекого языка. При этом оно выполнено на современном научном уровне, написано по-английски и выпущено в популярной серии одного из самых известных лингвистических издательств — таким

¹ Перепечатано в [Siegl 2013].

образом, доступно максимально широкой аудитории и рассчитано в первую очередь на типологов, а не только на специалистов по самодийским и уральским языкам.

Тундровый ненецкий вместе с лесным ненецким, лесным и тундровым энецким, нганасанским, северно-, южно- и центрально-селькупским составляют самодийскую группу языков², которая наряду с финно-угорской входит в уральскую языковую семью. Язык тундровых ненцев и язык лесных ненцев считаются в данной работе двумя близкородственными языками, вслед за работами Т. Салминена [Salminen 1997; 1998a; 1993—2012] и других зарубежных самоедологов. В отечественной традиции обычно говорят о диалектах или наречиях одного ненецкого языка, однако различия в фонетике и морфологии между двумя ненецкими языками настолько велики, что указанные идиомы ни в коей мере не являются взаимопонимаемыми, а глубина расхождения между ними не менее, чем между мокшанским и эрзянским. Более того, даже между диалектами внутри тундрового ненецкого существуют серьезные различия, особенно если сравнить крайнезападные и восточные говоры. Тундровый ненецкий³ — самый крупный из малых языков России, с числом носителей более 20 000 человек, в то время как самих ненцев, согласно последней переписи 2010 г., 44 640 человек (в это число входят и лесные ненцы); распространен на огромной территории от Таймыра на востоке до Канинского полуострова на западе, от границы лесов на юге до побережья Северного Ледовитого океана на севере.

Ненецкий нельзя назвать слабо изученным. Среди основных публикаций монографического объема, помимо названных выше, следует упомянуть [Janhunen 1986; Буркова 2010; Терещенко 1947; 1956; 1965]. Различным аспектам ненецкого языка посвящена большая литература; наиболее обстоятельная (хотя и неполная) библиография приведена в [Буркова 2010: 199—221]. Однако большая часть работ игнорирует синтаксис. Во многом именно этот пробел призвана восполнить грамматика И. А. Николаевой. Значительная часть феноменов, описываемых в работе, иллюстрируется примерами, собранными автором в ходе полевой работы. При этом собственно «в поле» автор была один раз, в 2003 г., в поселке Нельмин Нос (Ненецкий автономный округ). Основная часть данных, по-видимому, получена в результате работы с носителями ненецкого языка в Финляндии в период с 2001 по 2013 г. Кроме того, в грамматике активно используется корпус примеров из словаря [Терещенко 1965], затранскрибированный и отгlossированный Т. Салминеном [Salminen 2014]. Эти и другие сведения общего характера приводятся в главе 1 («Introduction», с. 1—16). Кроме введения и текстов, составляющих последнюю главу, грамматика содержит 17 основных глав, половина из которых посвящена синтаксису, а также список сокращений, список литературы и указатель.

Настоящий обзор по сути является расширенной рецензией на грамматику, написанной с учетом моего собственного (в том числе полевого) опыта работы с ненецким языком. В российской лингвистической практике этот жанр совсем не популярен. Из недавно вышедших публикаций подобного рода можно назвать, пожалуй, только обзорную рецензию [Муслимов 2014], посвященную грамматике [Маркус, Рожанский 2011a; 2011b] (статья [Аркадьев в печати] все-таки существенно выходит за рамки рецензии, хотя и выросла из разбора монографии [Round 2013]). В то же время, на мой взгляд, именно в приложении к грамматическому описанию языка подробная рецензия оказывается наиболее уместной. Современные грамматики, издаваемые в популярных и общепризнанных сериях

² К самодийским языкам относились также маторск(о-тайгийско-карагаск)ний и камасинский (одним из диалектов которого обычно считается койбальский; последний не следует путать с одним из диалектов современного хакасского), исчезнувшие, соответственно, в первой половине XIX в. и в 1989 г. Кроме того, «[в] прошлом существовал еще один ненецкий диалект, значительно отличавшийся как от тундрового, так и от лесного, но имевший черты, сближавшие его с энецким языком» [Хелимский 2000: 50—55]. Е. А. Хелимский именует его старовосточным диалектом ненецкого языка, чаще он фигурирует под названием юрацкого диалекта или языка.

³ Далее для краткости я позволю себе говорить просто «ненецкий», имея в виду тундровый ненецкий, и использовать прилагательное только во избежание путаницы.

вроде «Mouton Grammar Library» (как и рассматриваемая в данной работе), ориентированы не только на специалистов по конкретному языку или определенной языковой семье — они находят своих читателей среди лингвистов любого профиля, от типологов до теоретиков. Таким образом, по-прежнему, как и полвека, и век назад, основными требованиями, предъявляемыми к грамматическому описанию, остаются эмпирическая и дескриптивная адекватность: грамматика должна максимально точно и максимально полно описывать факты языка, руководствуясь современными теоретическими представлениями о тех или иных явлениях и по возможности учитывая их типологическую специфику. Понятно, что идеал в этом деле, как и всегда, недостижим, но к нему стоит стремиться.

С учетом вышесказанного я вижу основной своей целью в данной работе описать максимально широкий класс случаев, в которых грамматика Николаевой содержит потенциальные или реальные неточности, и таким образом облегчить читателю пользование этой книгой. Статья организована следующим образом. В § 1 обсуждается основное содержание грамматики, с особым вниманием к вопросам фонетики, фонологии и морфонологии как одним из самых проблемных для всех исследователей ненецкого — и к синтаксису как наименее изученной области до появления рассматриваемой монографии. В следующих трех разделах будут последовательно рассмотрены мои критические замечания, касающиеся следующих аспектов описания: а) презентации материала (§ 2); б) интерпретации тех или иных явлений (§ 3); в) полноты охвата данных (§ 4). В заключении дается общая оценка монографии, а также обсуждается ряд общеметодологических вопросов, возникающих в процессе ее чтения.

1. Анализ грамматики тундрового ненецкого языка в книге И. А. Николаевой

Глава 2 («Phonology», с. 17—28), с которой начинается анализ собственно языковой системы, представляет собой описание фонологии, во многом являющееся дайджестом идей, наблюдений и обобщений, сформулированных в [Salminen 1997; 1998b; 1993—2012]. Системы вокализма и консонантизма полностью совпадают с выделявшимися в названных работах Т. Салминена, различия касаются лишь некоторых особенностей транскрипции. Так, И. Николаева постулирует долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$ и $\bar{æ}$, которые в работах Т. Салминена называются *stretched* и обозначаются как $\acute{i}$, $\acute{u}$ и $\acute{æ}$. Такое, на первый взгляд косметическое изменение вынуждает И. Николаеву называть $\acute{i}$, $\acute{u}$, $\acute{e}$, $\acute{o}$, $\acute{a}$ краткими, $\acute{æ}$ — сверхкраткой («over-short» = «short» в [Salminen 1993—2012], «reduced» в [Salminen 1997; 1998b]), где она обозначалась как $\emptyset$, а $^{\circ}$ — редуцированной гласной («schwa» в [Salminen 1993—2012]). К сожалению, все суждения относительно долготы — краткости не подкреплены никакими экспериментальными данными. В грамматике абсолютно отсутствуют спектрограммы и другие привычные виды фонетического анализа. К сожалению, ничего не говорится об актуальном произнесении последовательностей гласных, которые возможны в ненецком, только если по крайней мере одним из сегментов является $\acute{æ}$ или $^{\circ}$. Они трактуются как двусложные для целей приписывания ударения, однако неизвестно, демонстрируют ли они признаки, характерные для последовательностей гласных. В недавних работах [Амелина 2011; 2012], строго эксплуатирующих методы экспериментальной фонетики, такие слова практически исключены из рассмотрения и ничего не говорится относительно возможности существования зияния в этом языке.

Во избежание недоразумений⁴, на протяжении данной рецензии $\acute{æ}$ будет называться краткой гласной, а $^{\circ}$ — редуцированной. Поскольку в отечественной самодистике транскрипция

⁴ В работе последовательно используется транскрипция, принятая в рассматриваемой монографии, за исключением специально оговоренных случаев. Если строка цитируемого текста содержит ошибку в транскрипции, она приводится в измененном виде, а место замены показано с помощью квадратных скобок. Ссылки на примеры из рецензируемой монографии даются в круглых скобках.

Т. Салминена практически не используется, кратко поясню, в чем ее основные особенности⁵. Главная инновация Салминена — как раз введение в фонологический инвентарь редуцированной гласной (°)⁶, которая произносится либо сверхкратко, либо не произносится вообще на поверхностном уровне, но всегда так или иначе присутствует: она может добавлять мору предшествующему гласному или увеличивать длительность предыдущего слога (в частности, в случае конечных последовательностей с гортанными смычными $C^{\circ}q$ и $C^{\circ}h$). Ее наличие во многом объясняет также «гармонию гласных» после x и q (неназализ(ир)ованного гортанного смычного), а отсутствие — добавление автоматического гортанного смычного после согласных b, l, m, r . В большей части случаев редуцированная гласная является результатом автоматической фонологической редукции $\text{ə} \rightarrow \text{°}$ в безударной позиции; ср. классический пример $x\text{ər}^{\circ}$ ‘нож’ vs. $x\text{ə}r\text{ə}-r^{\circ}$ ‘нож-POSS.2SG’ vs. $x\text{ər}^{\circ}-d\text{ə}-r^{\circ}$ ‘нож-DEST-POSS.2SG’. Введение редуцированной гласной также делает объяснение места ударения в концепции Т. Салминена практически автоматическим.

На мой взгляд, транскрипция Салминена, несмотря на все ее очевидные недостатки — разительные отличия от записей предшественников, несводимость к традиционной финно-угорской транскрипции или IPA, сложность для восприятия без специальной подготовки, ориентация на морфонологию, а не на фонетическую субстанцию (см. критические замечания в обзоре [Helinski ms.]⁷), — имеет и серьезные преимущества перед всеми остальными. Во-первых, для языка со столь сложной морфонологией, каким является ненецкий, ориентация на глубинно-фонологический, а не поверхностный уровень представления скорее является плюсом: в частности, она позволяет более эксплицитно и с меньшим числом промежуточных шагов формулировать правила синтеза словоформ. Во-вторых, когда речь не идет о тонких диалектных особенностях в области фонетики, данная транскрипция удобна для сравнения материала разнородных ненецких идиомов между собой (в каждом из которых на самом деле может быть немного другая фонология), а также для сопоставления ненецких

Глоссы оригинала даются прописными, как и в оригинале, мои глоссы — капителью. В последнем случае они могут существенно отличаться от оригинала. В глоссах опускаются нулевые показатели номинатива, единственного числа, индикатива, настоящего времени (о семантике последнего см. ниже). В посессивных показателях опускается указание на единственное число обладаемого. Нулевой показатель третьего лица единственного числа субъектного спряжения в глаголе глоссируется через точку. Показатели субъектно-объектного спряжения в индикативе по умолчанию свидетельствуют о единственном числе прямого дополнения (в прохибитиве отрицательный глагол также присоединяет согласовательные показатели индикатива, а не особые императивные). На множественное число прямого дополнения указывает специальная финитная основа (использующаяся также при рефлексивном спряжении), на двойственное — особый показатель $-x\text{ə}u-$. Таким образом, несмотря на то, что сами показатели объектного согласования с прямым дополнением любого числа материально совпадают при третьем лице подлежащего, глагольные формы в целом всегда однозначно маркируют единственное, двойственное или множественное число прямого дополнения.

⁵ Непонимание того, что за ней стоит, порой приводит и теоретиков и/или типологов к ложным выводам. Ср. заявление Дж. Блевинс [Blevins 2006] о том, что в тундровом ненецком существует синхронное финальное озвончение (coda voicing), которое она делает в первую очередь на основании дистрибуции /p/ и /b/, и критический разбор ее работы в ответной статье [Kiparsky 2006].

⁶ До Т. Салминена на возможность присутствия такого сегмента указывал Ю. Янхунен (ср. [Janhunen 1986], где он называется сегментом-ограничителем). На выделении подобной единицы по крайней мере на одном из уровней абстракции основан также принцип глубинного изосиллабизма ненецкого стиха, подробно проанализированный Е. А. Хелимским, согласно которому «традиционная ненецкая поэзия строится на основе регулярных моделей силлабического стихосложения», а «базисный текст состоит из изосиллабических — обычно шести- или восьмисложных — строк» (в оригинале — разрядка) [Хелимский 2000: 125—126].

⁷ Ср. также характерное замечание в упомянутой работе: «However, the “Nenets phonology after Salminen” — just as Nenets phonologies after Janhunen, Hajdú, Viitso, Ristinen, Décsy, Wickman, or Tereshchenko — failed to persuade me that this language really has phonology and phonemes, rather than a continuum between underlying-level morphonemes and surface-level sounds».

данных с данными других самодийских языков. В-третьих, она несомненно имеет под собой диахронические основания, поскольку редуцированная гласная — это результат редукционных процессов, которые затронули ненецкий язык в гораздо большей степени, чем нганасанский и энецкий. О двух славянско-самодийских аналогиях — падении редуцированных и корреляции по палатализации — см. [Хелимский 1984].

Корреляция по палатализации является яркой отличительной чертой ненецкого консонантизма: она распространяется на все согласные, кроме велярных *k*, *x*, *ŋ*, глайдов *w*, *y* (= IPA /j/) и гортанного смычного. Что касается последних, то их в ненецком традиционно выделяется два: так называемый неназализ(ир)ованный («глухой») *q* и так называемый назализ(ир)ованный («звонкий») *h*, произносившиеся одинаково в изолированной позиции (или, например, в позиции конца слова), но имеющие различные фонотактические ограничения и участвующие в различных (мор)фонологических чередованиях: ср. *n'eh xən°* = *n'eh_kən°* 'нарта женщины'⁸ vs. *n'eq xən°* = *n'e_kən°* 'нарта женщин', *toh war°* = *to_war°* 'берег озера' vs. *toq war°q* = *toq_war°q* 'берега озер' [Salminen 1993—2012]. Описание автоматических фонетических процессов и морфонологических процессов, среди которых многочисленные ассимиляции, чередования согласных и гласных, усечение основы, палатализация и депалатализация, дегеминация и др., представлено в грамматике кратко и не очень наглядно, в связи с чем лучше напрямую обращаться к уже не раз упомянутым работам [Salminen 1997; 1998b; 1993—2012].

По не совсем понятным причинам параграф, посвященный образованию различных основ имени и глагола, оказался в главе о фонологии. На мой взгляд, данную информацию естественно считать морфологической и помещать ее в разделах об именном и глагольном словоизменении соответственно. Не свободен этот параграф и от неточностей. В пункте 3.2.1 главы 2, посвященном образованию основы аккумулятива множественного числа имен, перечисляются самые частотные типы (*xər°* 'нож' > *xəro* (PL.ACC), *yes'a* 'металл, железо, деньги' > *yes°* (PL.ACC) и др.), и среди них почему-то оказывается *xal'a* 'рыба' > *xale* (PL.ACC), хотя, согласно морфологическому словарю [Salminen 1998b], такой способ образования характерен лишь еще для одного слова, *yal'a* 'день, свет' > *yale* (PL.ACC).

В целом эта часть написана еще более схематично, чем морфонологическое описание, здесь намечены лишь самые основные тенденции, и практически из любого утверждения, которое выглядит как правило, есть исключения. Так, И. Николаева пишет, что при образовании общей финитной основы от глаголов на согласный всегда присоединяется показатель *-ŋa-* (а не *-ə-*), в то время как хорошо известно, что основы на гортанный смычный в разных диалектах используют *-ŋa-* или *-ə-*, а в ряде идиомов могут сосуществовать оба варианта. Впрочем, и сама автор во Введении отмечает, что она не стремится к полноте описания фонологии и формальной морфологии, поскольку существуют такие источники, как [Salminen 1997; 1998b; 1993—2012]⁹. По этой причине читателям, не знакомым с устройством ненецкого языка и начинающим свое знакомство с ним с грамматики Николаевой, я бы рекомендовал сначала прочесть по крайней мере грамматический очерк [Salminen 1993—2012] и вводный очерк к словарю [Salminen 1998b]. Кратко охарактеризую содержание остальных глав, а затем перейду к критическим замечаниям.

В главе 3 («Grammatical classes», с. 29—56) приводятся основные сведения о частях речи в ненецком языке, среди которых названы существительное, прилагательное, глагол, местоимение, наречие, послелог, союз, частица и междометие. Дан обзор основных морфосинтаксических особенностей и словоизменительных категорий имен и глаголов, а также рассмотрены их деривационные возможности. Особое внимание уделяется классам слов,

⁸ Нижнее подчеркивание в примере условно обозначает, что *сандхи* происходит на границе слов.

⁹ Е. А. Хелимский в рецензии на эти работы (точнее, на [Salminen 1997; 1998a; 1998b]) высказался следующим образом — весьма патетически, но, как кажется, справедливо: «<...> insofar as the morphophonology and inflectional morphology are concerned, Tundra Nenets can be considered today one of the most systematically and thoroughly described non-European languages» [Helimski ms.].

которые сохраняют многие свойства существительного, но демонстрируют синтаксическую дистрибуцию других частей речи: прилагательных, глаголов и наречий. Николаева называет такие случаи смешанными категориями (*mixed categories*) и последовательно рассматривает проприетивные дериваты¹⁰ с суффиксом *-sawey°* (*nođ'a-sawey° xid'a* 'ягодарпорр чашка' = 'чашка с ягодами'), обозначающие временное обладание; дериваты с симилятивным суффиксом *-raxa-* 'подобно X-у'; отыменные глаголы с показателем *-nə- ~ -tə-* 'быть с X-ом'; каритивные глаголы с суффиксом *-s'ə-* 'быть без X-а'; каритивные наречные формы на *-s'iq-* (*xəř°-s'iq* 'без ножа'); эквативные формы на *-d'r'em-* (*sarm'ika-d'r'em* 'как волк') и эссив на *-ŋe°*.

Эссивные дериваты в этом списке имеют первостепенную важность, поскольку в ряде употреблений они могут функционировать в качестве вторичных предикатов. В предшествующей литературе эссив часто назывался «кандидатом» в падежи, однако, в отличие от всех падежей, он не допускает выражения числа и посессивности, также ни при каких обстоятельствах показатель эссива не появляется на прилагательном, т. е. он не участвует в согласовании. Наиболее примечательной особенностью проприетивных и каритивных дериватов является то, что они в некоторой степени допускают модификацию именной основы по крайней мере прилагательными (а часть — и указательными местоимениями). Тем не менее в грамматике не делается никаких заявлений ни о границе составляющих в такого рода примерах, ни о каких-либо других следствиях наблюдаемой дистрибуции, так что данная область ненецкой грамматической системы непременно нуждается в дальнейшем изучении. См. работу [Nikolaeva 2008], где на материале тунгусо-маньчжурских языков разбираются возможные подходы к анализу подобных случаев, а также [Spencer 2013a; 2013b: 380—409], где рассматриваются селькупские отыменные прилагательные, часть которых может описываться как словоизменительная форма существительного (ср. термин «адъективная репрезентация» в грамматике [Кузнецова и др. 1980]).

Особо следует остановиться на том, что Николаева называет прилагательными. Они выделяются в ненецком языке на основании в первую очередь деривационных и синтаксических критериев, поскольку их словоизменительные возможности идентичны таковым у существительных. Употребляясь в качестве модификаторов, прилагательные, в отличие от существительных, демонстрируют факультативное согласование по падежу и посессивности с вершиной. Также в ненецком существует атрибутивное отрицание *n'in'a*, доступное только для прилагательных и причастий в атрибутивной позиции. Кроме того, прилагательные зачастую имеют собственную деривационную морфологию и образуют наречия образа действия. Несмотря на то что класс лексем, выделяемый на этих основаниях, имеет типичные для признаков слов значения (размер, форма, цвет и т. д.), далеко не все признаки слова в ненецком являются прилагательными. Иногда признаки выражаются глаголами (последние при этом чаще всего употребляются в форме причастий), и граница между двумя названными типами в общем случае носит произвольный характер. Особенно это заметно из сравнения терминов базовых цветов. Так, если смысл 'белый' выражается именем *ser*, то смысл 'черный' — глаголом *pər'id'e-*.

Глава 4 («Nominal inflection», с. 57—77) содержит основные сведения об именных грамматических категориях (число, падеж, посессивность, (пре)дестинатив). Упоминается ассоциативное употребление дуалиса (маркирование тесной ассоциативной связи между двумя элементами множества; ср. типичное начало ненецкой сказки: *wə̄sako-x^h puxac'a-x^h yil'e-we-x^h* 'старик-DU старуха-DU жить-NARR-3DU' = 'Жили-были старик со старухой...'). Приводится самая общая информация о непосессивных употреблениях грамем категории посессивности. Среди них называются идентифицируемость, основанная на дейксисе и ситуативном контексте (характерно в первую очередь для показателя POSS.3SG), анафорическая функция (характерна для POSS.2SG), партитивная функция

¹⁰ О типологии проприетивных форм в сибирском ареале см. специальный выпуск «Томского журнала лингвистических и антропологических исследований». 2014. № 1 (3).

(ср. *s'id'a-waq* 'два-poss.1PL' = 'двое из нас', с. 69), пресуппозиция существования ассоциативной связи между двумя участниками дискурса (граммемы, маркирующие посессора 3-го лица) или между участником дискурса и локуторами (соответственно граммемы, маркирующие посессора 1-го и 2-го лица). Использование посессивных показателей для маркирования лица и числа субъекта нефинитных клауз обсуждается в главе 13.

Относительно категории (пре)дестинатива (ср. пример 1) в книге не делается выбора в пользу какого-то конкретного анализа. Николаева пишет буквально, что «дестинатив выражает TAM-подобную категорию; в зависимости от анализа, это либо будущее время, либо некоторый вид ирреальной модальности, в сфере действия которой находится посессивное отношение»¹¹. В литературе, помимо анализа северносамодийского дестинатива (структура которого в общих чертах во всех этих языках схожа, хотя есть, конечно, и различия в употреблении; кроме того, в нганасанском есть специальный показатель «ирреального дестинатива») как проспективной посессивности [Daniel 2009] и именного времени / модальности [Лейсиё 2014; Leisiö 2012; Nikolaeva 2009], встречается также анализ его как бенефактивной / аппликативной конструкции [Siegl 2011; Khanina, Shluinsky 2014].

- (1a) *yid²-h warə-n^h ηəno-də-m'i to^o*
 вода-GEN берег-DAT лодка-DEST-POSS.1SG прийти-GFS.3SG.S
 'Для меня пришла лодка к берегу' (с. 73).
- (1b) *xasawa n'ū-də-m'i soya[-^o]*
 мужчина ребенок-DEST-POSS.1SG родиться-GFS.3SG.S
 'У меня родился сын' (там же).

Глава 5 («Verbal inflection»), с. 78—115 содержит описание основных глагольных грамматических категорий, а именно времени и наклонения. Грамматической категорией называет Николаева и согласование глагола с его аргументами (подлежащим и прямым дополнением), возможно, отчасти потому, что в ряде случаев его можно анализировать не как согласование, а как инкорпорацию личных местоимений (этот вопрос обсуждается в главах 9 и 17, см. ниже). В традиционной литературе различные серии согласовательных показателей обычно называются спряжениями, которых выделяется три: субъектное, (субъектно-) объектное и рефлексивное (= субъектно-безобъектное = медиальное). Николаева вслед за Салминеном выделяет в ненецком четыре класса глаголов с точки зрения их спряжения: переходные с субъектным спряжением, переходные с возвратным спряжением, переходные с субъектным и объектным спряжениями, «лабильные» с объектным и возвратным спряжениями. По другим данным, число глагольных классов в ненецком может быть больше; см. [Татевосов рук.] — исключительно подробный и понятный текст о том, как так называемое спряжение в ненецком влияет на актантную структуру и акциональные характеристики предиката (здесь, правда, стоит оговориться, что работа С. Г. Татевосова основана на материале одного малоземельского говора, который в этой сфере, как и в некоторых других, может демонстрировать серьезные отличия от восточных диалектов, на которых говорит большинство тундровых ненцев).

В «суперкатегорию» наклонения Николаева в соответствии с традицией парадигматически объединяет формы как с модальной, так и с эвиденциальной семантикой, которых за вычетом индикатива насчитывается 15. Ненецким наклонениям и эвиденциальным формам посвящена уже немалая литература, однако ясности в этой области нет до сих пор. В описании категории времени Николаева как раз отходит от традиции, выделяя в ненецком пять времен (настоящее, прошедшее, будущее, хабитуалис, будущее-в-прошедшем), а не три и не два, как предшественники. На мой взгляд, такое решение выглядит недостаточно аргументированным. Что касается аспектуальной системы ненецкого языка, то она, как и системы других самодийских языков, очень напоминает славянскую. Вид является

¹¹ «Predestinatives express a TAM-like category; depending on the analysis, it is either a future tense or some kind of irrealis modality that takes scope over the possessive relation» (с. 72).

словоклассифицирующей, а не словоизменительной категорией, т. е. вся глагольная лексика распадается на перфективные и имперфективные лексемы. Кроме того, противопоставление перфектива vs. имперфектива совпадает в этом языке с противопоставлением предельности vs. неопределенности. У производных основ вид определяется последним из словообразовательных показателей. В ненецком насчитывается значительное число перфективирующих и имперфективирующих дериваций; большая часть последних связана с семантикой предикатной множественности (подробнее о типологии последней и о ситуации в малоземельском ненецком см. в первую очередь [Шлуинский 2005]).

Глава 6 («Clitics and multi-based affixes», с. 116—140) является одной из первых попыток описания ненецких единиц, занимающих на линейно-синтагматическом континууме одно из промежуточных положений. Клитиками в описании называются единицы, занимающие в словоформе финальную позицию после всех словоизменительных показателей (хотя клитика $=(\eta o)w^{\circ}/=ey^{\circ}$ «разрывает» все двухконсонантные лично-числовые показатели, встраиваясь внутрь и приводя порой к идиосинкратическим изменениям; схожим образом ведет себя экскламатив на $-əU-$ в нганасанском, согласно [Гусев 2005: 23—24]). Они возможны в норме только на финитном глаголе и выражают значения, связанные с восклицанием, эмфазой и пр. Другая группа единиц в той или иной степени демонстрирует транскатегориальность, присоединяясь к именным, местоименным, наречным, послеложным, глагольным основам, однако по своему значению, позиции в словоформе и прочим признакам эта группа неоднородна и распадается на несколько. Часть транскатегориальных показателей располагается максимально близко к корню и выражает различные виды оценки (аугментатив, диминутив, пейоратив, аттенуатив). Наиболее любопытный случай представляют единицы, занимающие позицию после всех словообразовательных и перед всеми словоизменительными показателями, традиционно называемые «интраклитиками». Их семантика имеет отношение к информационной структуре высказывания, т. е. они являются чувствительными к фокусу элементами (focus-sensitive items); специально о двух таких «интраклитиках», $-xərtə-$ и $-c'eyə-$, см. [Козлов, Стенин 2014].

В главе 7 («Noun phrases», с. 141—173) значительное внимание уделяется структуре посессивной именной группы (далее — ИГ) и свойствам посессора, контролирующего посессивное согласование на вершине. В ненецком, если посессор выражен существительным (а не личным местоимением), посессивный показатель на вершине необязателен. Что интересно, посессоры, контролирующие согласование и не контролирующие его, различаются как своей позицией в структуре ИГ (ср. 2а—б), так и своими семантико-прагматическими свойствами (3а—б); примеры (2—3) адаптированы из [Nikolaeva 2014].

- (2a) *t'uku° Wera-h ti / *te-da*
 этот Вэра-GEN олень / олень-POSS.3SG
 'этот олень Вэры' (с. 143)
- (2b) *Wera-h t'uku° te-da / *ti*
 Вэра-GEN этот олень-POSS.3SG / олень
 'этот олень Вэры' (там же)
- (3a) *t'uku° n'e ηəc'eki[°]-h bantə-mta*
 этот женщина ребенок-GEN бант-ACC.POSS.3SG
məneq-ηa-wə-s° / *məneq-ηa-dəm-c°
 увидеть-GFS-1SG.O-PST / увидеть-GFS-1SG.S-PST
 {ЛК: 'Ты видел эту девочку?'}
 'Я видел бант этой девочки' (с. 145).
- (3b) *t'uku° n'e ηəc'eki[°]-h bantə-m*
 этот женщина ребенок-GEN бант-ACC
məneq-ηa-dəm-c° / *məneq-ηa-wə-s°
 увидеть-GFS-1SG.S-PST / увидеть-GFS-1SG.O-PST
 {ЛК: 'Что ты видел?/Чей бант ты видел?'}
 'Я видел бант этой девочки' (там же).

Как можно заметить, посессор, не контролирующий согласование, располагается после указательных местоимений (2a), тогда как посессор, контролирующий согласование на вершине, напротив, выносится на левую периферию ИГ и не может следовать ни за какими другими зависимыми (2b). В то же время, как специально отмечает Николаева, конструкция типа (2b) в большинстве случаев не является конструкцией с внешним посессором и между посессором и вершиной не могут быть вставлены никакие составляющие уровня клаузы.

Что касается свойств посессора, контролирующего согласование, то он, в терминах Николаевой, играет в информационной структуре роль вторичного топика. Вторичный топик при этом понимается как топикальный элемент, прагматически менее выделенный (salient), чем основной топик, но такой, что высказывание строится об отношении между референтами основного и вторичного топика (подробнее об этом информационно-структурном отношении см. [Nikolaeva 2001]). Из примеров (3a—b) видно, что топикальный посессор контролирует посессивное согласование на вершине ИГ, которая, в свою очередь, контролирует объектное согласование на предикате, из чего можно сделать вывод, что в случае топикального посессора статус топика распространяется на всю ИГ. Схожим образом в ненецком на вершину и на всю составляющую от любого из ее зависимых «просачиваются» фокусные признаки и фокусный статус, о чем см. прежде всего [Matić, Nikolaeva 2014].

Кроме того, эта глава включает описание атрибутивного согласования (concord), которое в ненецком абсолютно факультативно, однако, если имеет место, определяется достаточно сложными закономерностями. В частности, реже всего атрибутивные модификаторы согласуются с вершиной по падежу. Это регулируется правилом, согласно которому, если контролер маркирован лишь по одному из признаков согласования, то модификатор может получать согласование по числу или по лицу и числу посессора, но не по падежу. Интерес представляют ограничения, связанные с согласованием по посессивности на атрибутивном модификаторе. По наблюдениям Николаевой, они связаны с отношениями неотторжимой принадлежности, т. е. если обладаемое — это часть тела, термин родства или внутреннее (intrinsic) свойство обладателя, то согласование всегда возможно. К этой группе примыкают также такие концепты, как ‘олень’, ‘лодка’ или ‘нарта’. Напротив, ‘собака’, ‘хлеб’ или ‘машина’ не допускают посессивного согласования на модификаторе даже в специальном регистре (языке фольклора), где это вообще чаще всего возможно.

В отдельную группу Николаева выделяет квантификативные прилагательные типа *s'an*^o ‘сколько, несколько’, *t'an'o* ‘немного’, *xən'anj*^o ‘который’, *xurka* ‘какой’, *xisuwey*^o ‘каждый, всякий’ и их дериваты, которые не допускают атрибутивного согласования и всегда предшествуют вершине. Универсальные кванторы типа *mal'h* ‘все (со счетными именами); весь, целый (как правило, с несчетными именами)’ в определенных случаях требуют признак множественного числа на вершинном имени и могут быть вынесены за пределы ИГ, и такого рода примеры очень частотны. Также кратко рассматриваются псевдопартитивные конструкции «контейнер — содержимое» и ИГ с непосессивными именными зависимыми в номинативе и генитиве. Общая структура ИГ в ненецком выглядит следующим образом:

Периферийный посессор — Детерминант — Обычный посессор — Адъективная форма имени — Квантификатор — Адъективный модификатор — Именной модификатор — Вершина.

В главе 8 («Adjectival, adverbial and postpositional phrases», с. 174—193) рассматриваются устройство аналитических компаративной и суперлативной конструкций, двухместные прилагательные, структура послеложной группы, согласующиеся и предикативные наречия. Последние две группы заслуживают отдельного упоминания. Согласующиеся наречия согласуются по лицу и числу (формально они получают посессивные показатели косвенной серии) с одним из аргументов клаузы. Николаева выделяет следующие типы согласующихся наречий: а) агентивно-ориентированные наречия (4); б) свободно согласующиеся наречия (5a—b); в) находящиеся внутри ИГ наречия (6); г) интенсификаторы.

Наречия первого типа согласуются либо с подлежащим, либо с исходным подлежащим при пассивной диатезе, т. е. с самым агентивным участником:

- (4) *m'in°xə-nt° xan'e-xad°-ŋe° wun'i-n° xanət°-q*
 быстро-2SG охотиться-ADJ-ESS NEG.EMPH-2SG.S пойти.FUT-CN
 'Не сразу станешь ты хорошим охотником' [Терещенко 1965: 737].

Наречия второго типа не имеют таких ограничений и могут согласовываться как с подлежащим, так и с прямым дополнением, однако при разном контролере их интерпретация в клаузе различается. При первом прочтении (5a), когда существует только один *x*, который любит адресата, и этот *x* — говорящий, референциальное слово *yaqlə-* 'один; одинокий' может отсылать только к говорящему и, следовательно, должно содержать показатель первого лица единственного числа. Напротив, при втором прочтении (5b), когда существует только один *x*, которого любит говорящий, и этот *x* — адресат, *yaqlə-* нужно употребить с показателем второго лица единственного числа.

- (5a) *yaql°-n'i / *yaql°-nt° s'it° xamc[°]-ə-d°m*
 один-1SG / один-2SG PRON.ACC.POSS.2SG любить-GFS-1SG.S
 'Я один люблю тебя' (с. 181).
- (5b) *yaql°-nt° s'it° xamc[°]-ə-d°m*
 один-2SG PRON.ACC.POSS.2SG любить-GFS-1SG.S
 'Я люблю тебя одного' (там же).

Наречия третьего типа либо допускают, либо требуют при себе поверхностно выраженный поссотор, т. е. в целом ведут себя как вершина ИГ, однако не допускают атрибутивных модификаторов:

- (6) *mən° mən°tə-n° yader-kər-c'u-d°m*
 я лично-1SG гулять-PREC-NEC-1SG.S
 'Придется мне самому лично пойти' [Терещенко 1965: 226].

В качестве интенсификатора выступает в первую очередь рефлексивная основа *xər-*, которая почти везде в грамматике фигурирует в виде *xər°q-*. Предикативно могут употребляться, по наблюдениям Николаевой, всего два наречия: *təmna*, которое на уровне клаузы имеет обычно значение '(все) еще', и *t'i* 'вот, так'. Ср. употребление первого в предикативной позиции:

- (7) *ŋət'e-n°q, təmna-waq*
 ждать-IMP.2SG.O.PL все.еще-1PL.S
 'Подожди, мы еще не готовы' [Там же: 623].

Глава 9 («Syntax of simple clauses», с. 194—223) посвящена синтаксису простого предложения. Обсуждаются тесты на подлежащность, среди которых, в частности, ограничения на прономинализацию, рефлексивизацию и нулевую анафору в зависимой клаузе, конструкции субъектного контроля. Однако ключевым сюжетом, релевантным для многих частей ненецкой грамматической системы, оказывается в данной главе дифференцированное маркирование прямого дополнения и возможность употребления объектного спряжения. Переходные глаголы могут согласовываться не только с подлежащим, но и с прямым дополнением (специальной серией показателей, кумулятивно выражающих лицо и число подлежащего и число прямого дополнения). Объектное согласование контролирует только число прямого дополнения, поскольку лицо всегда фиксированное — третье. Объектное согласование в ненецком языке возможно в одних случаях, невозможно — в других, и обязательно — в третьих. Местоимения первого и второго лиц не могут контролировать объектное согласование, в большинстве идиолектов таким же образом ведут себя местоимения третьего лица. Таким образом, референциальный статус ИГ оказывается в некотором смысле наиболее важным в иерархии параметров, определяющих объектное маркирование.

Для лексических ИГ в позиции прямого дополнения возможность контролировать объектное согласование зависит в первую очередь от информационной структуры высказывания. Объектное согласование невозможно, если прямое дополнение находится в сфере действия узкого фокуса и/или включает в свой состав вопросительные слова (в том числе в качестве атрибутивных модификаторов и посессоров вершины ИГ) или чувствительные к фокусу «интраклитики». Если прямое дополнение находится в сфере действия широкого фокуса, определенную роль может играть референциальный статус (*specificity*) ИГ — в случае специфичного прямого дополнения объектное согласование возможно. Объектное согласование обязательно, если предшествующий контекст создает для прямого дополнения роль (вторичного) топика, в частности в том случае, если прямое дополнение вообще не контролируется в клаузе. Прямые дополнения, контролируемые согласованием и не контролируемые его, не обнаруживают каких-либо различий в своих синтаксических свойствах (в отличие, например, от западно-хантыйского, о котором см. [Dalrymple, Nikolaeva 2011]).

В главе 10 («Valence patterns and alternations», с. 224—249) в общих чертах рассматриваются классы глаголов с точки зрения их моделей управления и актантно-значимые преобразования. Среди последних основное внимание уделяется причастному пассиву как самой продуктивной актантной деривации.

В главе 11 («Non-verbal predicates», с. 250—264) кратко описываются основные типы неглагольных предикатов (существительные, местоимения, прилагательные, наречия, нефинитные формы глагола) и конструкций, в которых они употребляются (экзистенциальная, локативная и эквативная). При некоторых неглагольных предикатах обязательно присутствие вспомогательного глагола *me-* или *ŋæ-* во всех временах и наклонениях (например, при именах в косвенных падежах), другие же могут самостоятельно выступать в качестве вершины независимого предложения. При этом среди последних есть такие, которые обязательно присоединяют финитные показатели лица и числа субъекта в настоящем и прошедшем временах (например, существительные в именительном падеже в эквативных предложениях), только в прошедшем (например, личные и указательные местоимения в эквативных предложениях) или не могут присоединять финитных показателей, но и не требуют связки (например, существительные, оформленные показателями посессивности). Ненецкий представляет несомненный интерес для типологии неглагольной предикации. Среди уральских языков неглагольные предикаты без связки употребляются шире только в мордовских языках (см. [Kholodilova forthc.] о ситуации в мокшанском).

Глава 12 («Non-declarative clause types and negation», с. 265—282) содержит информацию обо всех недекативных типах предложения, т. е. вопросительных, повелительных и восклицательных, а также об отрицательных конструкциях. Среди вопросительных слов в ненецком стоит упомянуть два вопросительных глагола — *xəqman-* ‘1) что сказать?; 2) зачем сказать?’ и гораздо более редкий *xəqmal'e-* ‘что же сказать?’, которые регулярно изменяются и могут формировать полное высказывание. Как и в большинстве уральских языков, конструкция стандартного отрицания в ненецком включает отрицательный глагол, несущий словоизменительные признаки, и нефинитную форму глагола (так называемый коннегатив). При неглагольном отрицании в форме коннегатива выступает вспомогательный глагол *ŋæ-*. Отрицание — это единственный тип предложения, в котором, при наличии нулевого глагола со всеми признаками финитности, конечную позицию в клаузе занимает нефинитная форма глагола. Данный порядок слов жесткий и не может быть нарушен. При этом по крайней мере для ряда носителей отрицательный глагол и коннегатив могут разрываться другими составляющими. В этой главе рассматриваются и другие отрицательные конструкции, в частности такие, которые позволяют отличить отрицание составляющей от клаузного отрицания, а также те, в которых употребляются эмфатические глаголы *wun'ə-* ‘ведь не Р’, *xan'a-* ‘как не Р’ и *xəc'a-* ‘почти Р’, также использующие модель с коннегативом. Специально о вопросительных словах в ненецком и других северносамодийских см. [Mus 2009; 2013], об отрицании — [Mus 2008; 2015].

Глава 13 («Overview of dependent clauses», с. 283—314) содержит обзор типов зависимых клауз. В последующих трех главах последовательно разбираются относительные предложения (**глава 14** «Relative clauses», с. 315—340), конструкции с сентенциальными актантами (КСА) (**глава 15** «Complement clauses», с. 341—366) и обстоятельственные предложения (**глава 16** «Adverbial clauses», с. 367—385). В большинстве сложных предложений вершиной зависимой клаузы является нефинитная форма. Есть лишь несколько глаголов (*xon'ra* ‘спрашивать; сообщать’, *xan-* ‘звать’ и т. п.), требующих в качестве комплемента зависимую клаузу с вершиной в форме одного из директивных наклонений. Кроме того, финитную стратегию образования сложного предложения эксплуатирует глагол *mah-* ‘говорить, думать’. Остальные случаи использования финитной стратегии, в частности, в относительных и обстоятельственных предложениях, достаточно маргинальны и развиваются под влиянием русского языка. Значительная часть главы 13 посвящена косвенным вопросам и вопросительному выносу из зависимой клаузы. В ненецком вопросительный вынос возможен не только из актантных предложений, но также из относительных и обстоятельственных, что нарушает обычные островные ограничения. Однако в относительных предложениях вопрос не может относиться к подлежащему.

В ненецком существует три основных стратегии релятивизации: 1) причастная стратегия гэппинга; 2) стратегия гэппинга, эксплуатирующая имена действия и конвербы; 3) стратегия, основанная на резумптивном местоимении. Причастная стратегия является основной, когда релятивизируются позиции подлежащего и прямого дополнения, т. е. левый конец иерархии Кинэна — Комри [Keenan, Comrie 1977; Comrie, Keenan 1979]: SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP. Поскольку послеложные группы и имена во всех косвенных падежах (кроме приименного номинатива и генитива) в ненецком в норме невозможны в качестве комплемента ИГ, в этом случае также используется причастная стратегия, как в следующем примере, где причастие образовано от вспомогательного глагола *ηǣ-* ‘быть’:

- (8) *wen'ako-h n'a-mna *(ηǣ-da) kn[ʔ]iga-m temta-ǎ-d'm*
 собака-GEN около-PROL быть-PT.IPFV книга-ACC купить-GFS-1SG.S
 ‘Я купила книгу о собаке’ (с. 318).

В качестве вспомогательного также употребляется глагол *meq-* ‘использовать’. Это происходит тогда, когда необходимо релятивизовать ИГ, находящуюся на иерархии в позиции более низкой, чем подлежащее и прямое дополнение. С помощью причастной стратегии это может быть достигнуто, только если ИГ сначала будет продвинута в позицию прямого дополнения. Ср. следующий пример, где ИГ *xarǎd'* ‘дом’ сначала продвигается из косвенной позиции (OBL; *Я живу в доме*) в позицию прямого дополнения (DO; *~ Я использую дом, чтобы жить*) и только после этого может быть релятивизована:

- (9) *yil'e° me-ta xar°dǎ-m'i*
 жить-CVB использовать-PT.IPFV дом-POSS.1SG
 ‘дом, где я живу’ (с. 320)

Для релятивизации синтаксических позиций более низких, чем подлежащее и прямое дополнение, используется в обычном случае вторая стратегия, в которой задействованы имперфективное и перфективное имена действия и деепричастие. Данная стратегия позволяет в общем случае подвергнуть релятивизации непрямым и различные виды косвенных дополнений, а также объект большинства частотных послелогов, но не объект сравнения.

Третья стратегия основана на другом способе восстановимости (recoverability) — употреблении резумптивов. В качестве резумптивного показателя в ненецком используется посессивный аффикс. Резумптивная стратегия позволяет релятивизовать посессор и объект некоторых послелогов. Релятивизация через границу клаузы возможна в ненецком только в конструкциях субъектного и объектного контроля и невозможна из всех остальных вложенных клауз.

Помимо названных трех стратегий, в ненецком есть также конструкции, представляющие собой редуцированные относительные предложения, в которых глагольная связка

отсутствует в настоящем времени, но обязательна в других формах. Подобным образом, в частности, устроены проприетивные конструкции, использующиеся для релятивизации посессора, в которых прилагательное не может быть опущено и обязательно следует за обладаемым (имя, обозначающее обладаемое, может при этом содержать факультативный резумптивный показатель). Как отмечает Николаева, в норме такие конструкции используются для выражения неотчуждаемой принадлежности. Более того, посессивное отношение должно быть постоянным, а не временным. Ср. следующую пару примеров, где в первом случае нос человека всегда красный, а во втором — временно (например, от мороза):

- (10a) *piya(-da)*   *n'ar°yana*   *n'enec°h*
нос(-POSS.3SG)   красный   человек
'человек с красным носом' (с. 337)
- (10b) *n'ar°yana*   *piya-sawey°-h*   *n'enec°h*
красный   нос-PROPR-GEN   человек
'человек с красным носом' (там же)

Более подробно структура и типологическое своеобразие ненецких относительных предложений описаны в книге [Ackerman, Nikolaeva 2013].

Что касается актантных предложений, то особенный интерес представляют конструкции субъектного и объектного контроля, которые могут демонстрировать дистантное («прозрачное») согласование с прямым дополнением вложенной клаузы, что, вероятно, предполагает возможность анализа в терминах союза клауз. В частности, таким образом ведут себя конструкции субъектного контроля с деепричастием или супином в качестве зависимого предиката:

- (11a) *mən°*   *xal'a-m*   *ηəm-c°*   *yaqm°-ə-d°m* / *yaqm°-ə-w°*
я   рыба-ACC   съест-СВБ   не.мочь-GFS-1SG.S / не.мочь-GFS-1SG.O
'Я не могу съест рыбу' (с. 351).
- (11b) *mən°*   *s'it°*   *ηəm-c°*   *yaqm°-ə-d°m* / **yaqm°-ə-w°*
я   PRON.ACC.2SG   съест-СВБ   не.мочь-GFS-1SG.S / не.мочь-GFS-1SG.O
'Я не могу съест тебя' (там же).
- (12) *lador-pə°*   *p'a°-*(da)*
ударить.FREQ-DUR-CVB   начать-GFS-(3SG.O)
'Он начал бить его' (там же).
- (13) *Wera*   *te-x°h*   *xada°*   *p'ir°q-ηa-x°yu-da*
Вэра   олень-ACC.DU   убить¹²-СВБ   мочь-GFS-OBJ.DU-3SG.O
'Вэра может убить двух оленей' (там же).

Как показывают эти примеры, если прямое дополнение зависимой клаузы выражено именем (11a), объектное согласование на матричном предикате может присутствовать или нет, — в зависимости от роли прямого дополнения в информационной структуре (согласование возможно, только если прямое дополнение топикально). В том случае, когда прямое дополнение вложенной клаузы выражено личным местоимением (11b), объектное маркирование на вершинном предикате невозможно. Если прямое дополнение соответствует референциальному нулю (12), объектное маркирование обязательно. Наконец, матричный предикат демонстрирует согласование в числе с прямым дополнением вложенной клаузы (13).

Среди имен, принимающих в качестве компонента клаузы, интерес представляют такие «легкие» существительные (light nouns), как *p'ir°* 'возможность', *s'er* 'дело' и др., которые используются преимущественно в предикативной позиции для выражения различных значений, прежде всего связанных с модальностью. Как показывают последние полевые данные, множество таких конструкций достаточно велико, степень их грамматикализации в разных случаях, по-видимому, разная, и они, несомненно, нуждаются в дополнительном изучении.

¹² В данном примере неважно то, что *xada-* можно подвергнуть дальнейшему морфемному членению.

Глава 16, посвященная обстоятельственным предложениям, не столь инновативна, как две предыдущие, описывающие относительные и актантные предложения, поскольку как раз по обстоятельственным предложениям в ненецком языке существует немалая литература ([Буркова 2002; 2003; 2004; Кошкарёва, Кулешова 2007; 2008; Стенин 2010] и другие, не считая неопубликованных работ). Однако в этой главе, как и во многих других, нет ни одной ссылки.

Глава 17 («Anaphoric relations», с. 386—413) обобщает данные по средствам поддержания референции в дискурсе: анафорическому сокращению, прономинализации, рефлексивизации, реципрокализации. Как отмечает Николаева, суждения информантов в этой области варьируют весьма значительно, поэтому в грамматике описываются только самые общие тенденции. Тундровый ненецкий является языком, где функционирует pro-dgop. Показатели объектного спряжения в глаголе, как говорилось выше, лишь в ряде случаев являются согласовательными, а в остальных могут рассматриваться как инкорпорация личного местоимения. Поверхностно выраженные личные местоимения в позиции подлежащего и прямого дополнения либо свидетельствуют о фокусном выделении (или эмпазе, или контрасте), либо необходимы для указания на некорреферентность подлежащего одной клаузы подлежащему предыдущей в сочинительных конструкциях, как в следующих двух примерах:

(14a) *n'is'a-mt°*   *n'o-r°*   *yayebta-mp'u-q,*
отец-ACC.POSS.2SG   NEG.IMP-2SG.O   потревожить-DUR-CN
pida tet°nə°
он   быть.занятым-GFS.3SG.S
'Не мешай своему отцу, он занят' (с. 387).

(14b) *n'eb'a-da*   *s'ita*   *yemp°-p'i,*
мать-POSS.3SG   PRON.ACC.POSS.3SG   одеть-DUR.GFS.3SG.S
pida n'ema-xə-nta   *xərwa°*   *n'is°ltə°*
он   сон-DAT.POSS-OBL.POSS.3SG   хотеть-CVB   капризничать-GFS.3SG.S
'Мать, его, одевает, а он_{i/*j} капризничает оттого, что [он_{i/*j}] хочет спать' (там же).

В пределах клаузы антецедентом личного местоимения не может быть подлежащее, т. е. личные и рефлексивные местоимения находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, что типологически ожидаемо. Особым образом описывается поведение посесивных прономиналов.

Глава 18 («Coordination», с. 414—431), в которой рассматривается сочинение ИГ и других фразовых категорий, замыкает синтаксическую часть грамматики. Одной из основных сочинительных стратегий является обычное соположение ИГ. Сочинительные союзы не распространены; среди имеющихся наиболее частотен союз *n'ab'i* (омонимичный прилагательному 'другой'), который может использоваться только для сочинения двух ИГ. Николаева также упоминает союз *təd'ekəxət°*, возможно, это недавняя инновация, поскольку в текстах, записанных ранее, эта единица пишется в два слова — *təd° t'ikaxəd°* — и имеет значение 'после' (в [Salminen ms.] присутствует также сложное слово *tə-d'ikaxəd°* с тем же значением). Кроме того, как говорилось выше, тесная ассоциативная связь между двумя объектами маркируется с помощью дуалиса на каждой из сочиненных ИГ. Во всех этих случаях, по словам Николаевой, сочиненные ИГ в позиции подлежащего или прямого дополнения контролируют согласование глагола по двойственному числу, однако среди ее же примеров можно встретить следующие, где эта тенденция нарушается:

(15a) *Wera-x°h*   *Maša-x°h*   *təneq-ŋa-dəm-c°*
Вэра-ACC.DU   Маша-ACC.DU   увидеть-GFS-1SG.S-PST
'Я увидел Вэру и Машу' (с. 418).

(15b) *Wera-m*   *n'ab'i*   *Maša-m*   *təneq-ŋa-dəm-c°*
Вэра-ACC   и   Маша-ACC   увидеть-GFS-1SG.S-PST
'Я увидел Вэру и Машу' (там же).

Кроме названных существует также стратегия с послелогом *n'ah* 'с' и деепричастная стратегия, эксплуатирующая либо деепричастие *n'ac*° 'быть с' и смысловой глагол в финитной форме, либо смысловой глагол в форме деепричастия и финитную форму *n'aq*- того же глагола 'быть с'.

Заключительная глава 19 (с. 432—495) содержит два текста, впервые опубликованных в сборнике [Лабанаускас 1995] и отражающих таймырский говор: «Сидя Вай» («Двое Ваев») [Там же: 96—106], записанный от Василия Дмитриевича Яра, и «Таб Ед Хэвко» [Там же: 112—123], записанный от Очавки Юйновича Яптуне. Тексты представлены в формате четырех строк: нижняя — строка перевода, выше — строка глосс, а вот сам текст дается на двух строках — сначала в том виде, в каком он был в оригинале (т. е. в практической кириллической орфографии, не отражающей некоторых фонологических различий, но отражающей некоторые фонетические особенности таймырского говора), а затем в фонологической транскрипции, принятой в грамматике, с поправками, внесенными в ряде мест носителем ямальского и приуральского говоров Галиной Коренёвой, с которой эти тексты выверялись. Поощряя в целом практику повторной записи собранных другими исследователями старых текстов, для которых, например, отсутствует аудиозапись и/или которые могут содержать неточности, я не могу не выразить мое сожаление по поводу того, что И. Николаева поместила в грамматику только чужие тексты и не привела ни одного, который она записала сама (хотя такие, несомненно, есть и некоторые из них размещены на сайте <http://larkpie.net/recordings/tundra-nenets> вместе с аудиозаписью). После текстов следует сравнительно небольшой список цитируемой литературы (с. 496—498) и тематический указатель (с. 499—511).

2. Презентация материала

Мои критические замечания, представленные в этом и следующих двух пунктах, по сути аналогичны тем претензиям, которые были предъявлены самой И. Николаевой к юкагирской грамматике [Maslova 2003] в ее фундаментальной рецензии [Nikolaeva 2005], а именно касаются точности транскрипции, глоссирования, перевода и других особенностей презентации материала; ясности формулировок и аргументированности предлагаемых интерпретаций; полноты охвата релевантных грамматических данных (возможно, несколько в другом процентном соотношении). Таким образом, немного забегая вперед, можно сказать, что грамматика Николаевой, будучи хорошей, качественной грамматикой и столь долгожданной для специалистов по этому языку, к сожалению, все же отстывает от высочайшего уровня точности, отмеченного в качестве цели в работе того же автора [Nikolaeva 2005]. Описание содержит большое количество неточностей, прежде всего в самих языковых данных. Редкая страница, изобилующая примерами, не содержит ошибки. Порой небольшая неточность в транскрипции может привести к весьма серьезной ошибке в атрибуции той или иной грамматической формы: ср. пример (22d) на с. 373, где форма *towanta* глоссируется как 'come-FUT.PART', однако, по-видимому, в соответствии с [Salminen 2014], здесь употреблено не причастие будущего времени, а имперфективная номинализация (имя действия) в генитиве *to-wa-nta* 'прийти-NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG' (в противном случае в оригинале [Терещенко 1965: 251] ожидалось бы *товнда*, а не *тованда*).

Наибольшее число ошибок и опечаток содержится в примерах, элицированных самой Николаевой, и связано с непоследовательным отражением краткой (ə) и редуцированной (°) гласных фонем, при этом чаще всего перепутаны либо *a* и *ə*, либо *ə* и ° между собой. Так, например, показатель дуратива на протяжении всей книги в большинстве случаев представлен в ошибочном виде *-(m)pa/-ba-* и только несколько раз в правильном *-(m)pə/-bə-*. При обсуждении асертивного клитики *=ma/=wa* на с. 120 Николаева приводит частичную парадигму глагола *xada-* 'убить' в сочетании с этой клитикой, например, *xada-ə-r°=wa* 'убить-GFS-2SG.S=ASS'. Правильная фонемизация этого примера, специально оговоренная в [Salminen 1993—2012], представляет собой все же *xada-rəwa* (вместо **xadaər°wa*),

поскольку это одно из условий, в которых безударная редуцированная гласная может появляться в нечетном слоге.

Другие примеры, касающиеся этих же гласных: *ɲas'eki°* вместо правильного *ɲas'eki°* (неоднократно, например, 31b, с. 328), *ɲas'ekeda* вместо *ɲas'ekeda* (31с, с. 328), *n'an'i* вместо *n'a°n'i* (неоднократно, в частности, 46b, с. 332; 54а, с. 217), *ɲawar°-m* вместо *ɲawar°-m* (50а, с. 334), *t'en'ewa-* вместо *t'en'ewa-* (25а, с. 349), *tara°* 'плясать.3SG' вместо *tara°* (17с, 371), *maɣa°* вместо *məɣə°* (38b, с. 379), *mada-s°* вместо *mada-ə-s°* (65b, с. 410), *l'ekarə-da-nt°* вместо *l'ekarə-də-nt°* (28а, с. 262), *s'axah* вместо *s'ax'h* (11, с. 268), **wəwə-xah* вместо **wəwə-x'h* (с. 275), *tūt°* вместо *tūtə°* (37а, с. 278), *yana-mpo-ko-w°na* вместо *yəna-mpo-ko-w°na* (с. 444), *york°-xəna* вместо *yorka-xəna* (с. 443), *Xump'a°nc'iq* вместо *Xump'a°nc'iq* (с. 447, сложное слово), *ɲəɖdara-dəm-c°* вместо *ɲəɖdara-dəm-c°* (с. 447), *n'enes'ant°* вместо *n'enes'ant°* (с. 449), *paŋk°-m'i* 'племя-POSS.1SG' вместо *paŋk°-m'i* (с. 449, есть другое слово *paŋk°* 'колода <для рубки мяса, дров>; наковальня и пр. '), *yil'e-d°m* вместо *yil'eə-d°m* (с. 450), *waruwəna* вместо *waruw°na* (с. 458), *mada-da* вместо *madaə-da* (с. 62), *yilə-d°m* вместо *yil'ə-d°m* (31b, с. 71), *padə-d°m* вместо *pad'ə-d°m* (36b, с. 74), *sawa* вместо *səwa* (40а, с. 75), *ɲawen* вместо *ɲawen'h* (65а, с. 105), *taŋc'ra-* вместо *taŋc'ra-* (16с—d, с. 148), *pardon-da-waq* вместо *pərdon°-də-waq* (23, с. 151), *serako-x'tat°* вместо *serako-x'tat°*, *te-xətat°* вместо *te-x'tat°* (27d, с. 153), *xardə-r°* вместо *xar'də-r°* (61, с. 168; 64, с. 170), *xarad-m* вместо *xarəd°-m* (31а—b, с. 207), *pəni* вместо *pəni°* (56, с. 166), *sarmikə-raxa* вместо *sarmik'ə-r'xa* (73, с. 173), *n'aqm°-wunc°* вместо *n'aqm°-wənc°* (18b, с. 201; в такого рода примерах Николаева отражает факультативную лабиализацию гласного), *n'uku-c°* вместо *n'u'ku-c°* (48а, с. 214), *xəli°-wem'i* вместо *xəl'ta-wem'i* (55а—b, с. 217) и еще не один десяток ошибок подобного рода.

Помимо *a*, *ə* и *°* путаться могут: 1) *ə* и *e*; ср. *ɲe-da* вместо *ɲə-da* (7а, с. 318), *sew°-da* вместо *səw°-da* (46b, с. 403), *sedora-b°q* вместо *sədora-b°q* (66b, с. 410), *tewi-w°q* вместо *təwi-w°q* (31b, с. 71), *xewxəna* вместо *xəw'xəna* (32а, с. 71); 2) *a* и *e* после *y* и палатализованных, где фонетически *a* действительно сильно смещается в сторону среднего подъема и переднего ряда, но контраст с *e* все же сохраняется; ср. *xəye-waq* вместо *xəya-waq* (39с, с. 379), *S'iyek°-m'i* вместо *S'iyak°-m'i* (с. 457), *n'ib'e-rəxa* вместо *n'ib'a-rəxa* (73, с. 173); 3) *i* и *i*; ср. *xib'a* вместо *xib'a* (25а, с. 261), *xib'axərt°* вместо *xib'axərt°* (35а, с. 278); 4) *i* и *e*; ср. *p'ir'ebt'a-m* вместо *p'ir'ibt'a-m* (13а, с. 390), *tab'ida-nə-s°* вместо *tab'eda-nə-s°* (19а—b, с. 182), *p'is'ed'e-* (в разных формах) вместо *p'is'id'e-* (с. 353); 5) *o* и *u*; ср. *xuni* 'спать.GFS.3SG.S' вместо *xoni* (18b, с. 64), *ɲamt'owi°* вместо *ɲamt'owi°* (40b, с. 95). В редких случаях вместо *y* для обозначения /j/ используется *j*: например, *s'aj°* (с. 172; 8, с. 176).

Отсутствует гортанного смычного (*q* и *h*) — также одна из наиболее распространенных ошибок в грамматике. При этом в восточных говорах «ненализированный» гортанный смычный (*q*) действительно достаточно регулярно выпадает в инлауте между гласными (*t'uqəd° > t'uəd°* 'сверху.AVL'), а в крайневосточных — также и перед согласным (*waqw° > waw°* 'постель'), однако, во-первых, грамматика не содержит никаких сведений об этом (хотя они есть в различных работах Н. М. Терещенко и Т. Салминена), во-вторых, большинство таких форм встречается в грамматике и с гортанным смычным, хотя во введении эксплицитно сказано, что примеры даются в фонологической транскрипции и никакие индивидуальные особенности произнесения не отражаются. Приведу несколько примеров: *yolc°* вместо *yolc°h* (с. 365), *tola-b°-n'i* вместо *tola-b°q-n'i* (с. 368), *to-b°-n'i/to-b°na-n'i* вместо *to-b°q-n'i/to-b°qna-n'i* (10b, с. 268; 19—20, с. 271), *yūd°* вместо *yūd°h* (с. 435, не получает глоссирования), **pon* вместо **pon°h* (62, с. 219), *n'enes°* вместо *n'enes°h* (неоднократно, например, 51, с. 245), *p'iwasi* вместо *p'iwasiq* (55b, с. 247), *wad'eŋa-s°* вместо *wad'eŋa-s°* (19b—с, с. 291; 62а, с. 309), *wad'eŋa* вместо *wad'eŋa* (21, с. 292), *ɲamt'orc°* вместо *ɲamt'orc°h* (68b, с. 311), *yil'e-m'a* вместо *yil'e-qm'a* (16b, с. 322), *n'ayu* вместо *n'ayu°h* (55b, с. 361), *xino-ma-nta* вместо *xinoq-ma-nta* (17с, с. 371), *xinoŋa-waq* вместо *xinoqŋa-waq* (34а, с. 427) и т. д. В основе же рефлексивного местоимения гортанный смычный, как правило, присутствует (*xəq-*), хотя в [Salminen 1993—2012] отмечается, что в большинстве диалектов для нее скорее верна фонемизация *xər-*.

Кластер *ŋk* в ряде случаев получает непоследовательное отражение: *tolaŋo-* вместо *tolaŋko-* (с. 326), *tolaŋgo-wa* вместо *tolaŋko-wa* (38a—b, с. 330), *xaŋgkurta* вместо *xaŋkurta* (47b, с. 382), *ŋæŋu* вместо *ŋæŋku* (с. 25), *ŋæ-ŋu-d^om* вместо *ŋæ-ŋku-d^om* и *mænc^ora-ŋu-d^om* вместо *mænc^ora-ŋku-d^om* (1b, d, с. 30). Имеются единичные примеры отсутствия дегеминации (*n^oum-m^oi* вместо *n^oum^oi*, 30b, с. 327; если это диалектная форма, хотелось бы иметь информацию об этом в разделе, посвященном морфонологии) и отражения факультативного (хотя и последовательного в европейских диалектах) озвончения шумных после носовых (*tu-d^o-mdaq* вместо *tu-d^o-mtaq*, с. 453; *m^oa-k^onanda* вместо *m^oa-k^onanta*, 52b, с. 246). Несколько чаще встречается отсутствие некоторых консонантных сандхи; ср. в первую очередь *mænc^ora-w^ontar^oxa-dæm-s^o* вместо *mænc^ora-w^ontar^oxa-dæm-c^o* (63a, с. 104), *xayo-da-dæm-s^o* вместо *xayo-da-dæm-c^o* (26d—e, с. 374), *ladorŋa-dæm-s^o* вместо *ladorŋa-dæm-c^o* (71a, с. 222) и т. д.

Отдельную проблему составляют кластеры *bt* и *bk*; ср. *xūpta-ŋe^o* вместо *xūbta-ŋe^o* (39с, с. 379), *mæneq-lapta^o* вместо *mæneq-læbta^o* (6a, с. 388; 16b, с. 391; 27a, с. 395), *yad^opta^o-da-s^o* вместо *yad^obta^o-da-s^o* (38с, с. 400; 40a—b, с. 401); *yad^opta^o-wæ-s^o* вместо *yad^obta^o-wæ-s^o* (45b, с. 402), *lapka-xæi^o* вместо *labka-xæi^o* (45b—с, с. 161), *lapka-n^oh* вместо *labka-n^oh* (25a, с. 184; для большеземельских и западных говоров высоко вероятно фонемизация *law^oka*, что отражено в [Salminen 1998b: 181]) и др. Здесь необходимо отметить две вещи. Во-первых, контраст между /p/ и /b/, /t/ и /d/ в ненецком различными исследователями независимо трактовался как противопоставление по напряженности/ненапряженности, а не по глухости/звонкости (см. [Hajdú 1988; Janhunen 1986; Salminen 1997], в частности).

Как показывают наблюдения [Kiparsky 2006: 228], в слове [Lehtisalo 1956], эксплуатирующем очень акуратную и тонкую фонетическую транскрипцию в духе того времени, напряженные отражаются в виде *-p̥p̥-*, *-t̥t̥-*, *-k̥k̥-* и они никогда не подвергаются озвончению или спонантизации, в то время как ненапряженные в целом короче и имеют более вариативную реализацию, подвергаясь различным видам лениции. Во-вторых, согласно данным по фонотактике, приводимым в [Salminen 1993—2012], /b/ — единственный ртовый взрывной согласный, возможный в позиции конца слога. Нельзя забывать, что транскрипция Салминена ориентирована на очень абстрактный уровень (морфо)фонологической репрезентации, и то, что обозначается как /b/ в его системе, может реализовываться весьма различными способами: 1) глухой ненапряженный взрывной [b̥]¹³ или 2) глухой губно-губной спонант [ɸ] в позиции конца слога (coda) и в ауслaute (в последнем случае за ним следует автоматически добавляемый гортанный смычный); 3) подвергшийся частичному или полному озвончению [b] или 4) слабо артикулируемый [b] в позиции начала слога (onset). Во всех этих случаях ни одно из возможных произнесений /b/, как кажется, не совпадает ни с одним из возможных произнесений /p/. Однако если между гласными (в том числе на конце слова, когда за ними следует только редуцированный ^o) /b/ и /p/ контрастируют, то перед напряженными взрывными и аффрикатами возможен только /b/, кластерам **pt*, **pk*, **pc* и прочим нет места в фонологии Салминена. Несомненно одно — ненецкий еще только ждет своего фонетиста и фонолога.

Вызывает вопросы транскрипция заимствованных слов, где палатализация отражается непоследовательно, а редуцированная гласная в корне в принципе не отражается): *pis^omo/pis^omo-m* (21a—b, с. 202) vs. *santimetruw^ona* (3, с. 175); о классификации русских заимствований в ненецком и стратегиях их освоения см. [Salminen 1992]¹⁴.

В ряде случаев неточности не являются собственно ошибками, но свидетельствуют о том, что процесс приведения транскрипции примеров из разных источников (и/или собранных в разное время) к единообразному виду не был доведен до успешной кульминации. Зачастую вместо принятого в грамматике способа обозначения палатализации через

¹³ Обозначение весьма импрессионистическое и следует нотации в [Kiparsky 2006].

¹⁴ Исправленную версию этой статьи можно найти на личном сайте Т. Салминена: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/JSFOu_84_201.pdf.

апостроф¹⁵ используется символ *y* (например, *yalya* вместо *yal'a* (6a, с. 81)), иногда вместо *э* используется *ø* (*møle°* вместо *mäl'e°* (34d, с. 93)). Данные символы в этих функциях использовались в работах Салминена, однако *ø* последние несколько лет не использует даже он сам. Но в ряде случаев автоматический переход от транскрипции, которая непосредственно следовала работам [Salminen 1997; 1998b], без ручной проверки, приводит к нонсенсу; ср. такие примеры, как *ɲump°a-m'i* вместо *ɲump°ya-m'i* (9b, с. 82), *mənc°a-m* вместо *mənc°ya-m* (12a, с. 84), где знак палатализации оказывается между двух гласных. С другой стороны, ср. *n'ub-ye* вместо *n'ub'e* 'имя.АСС.РЛ' (с. 25).

Такие ошибки связаны с двойственной природой символа *y* в транскрипции Салминена. Во-первых, он используется для обозначения палатализации согласного; во-вторых, он передает фонему /j/ (в тех же случаях, когда за согласным следует палатальный глайд, для его передачи используется символ *ÿ*). Таким образом, ошибочные примеры типа *tara-l'əc°* (30a, с. 376) и *m'ernor'ə-d°q* (37c—d, с. 399) должны были бы получить следующий вид: в грамматике Николаевой — *tara-lyəc°* и *m'ernoryə-d°q*; в последнем варианте транскрипции Салминена — *tara-lÿəcy°* и *myernoryÿə-d°q* соответственно. Кроме того, знак палатализации иногда бывает просто пропущен, например: *sī-sawey°* вместо *s'ī-sawey°* (80, с. 112), *wəwə(-nīh)* вместо *wəwə(-n'ih)* (28b, с. 275), *yil'e-s°-ɲe°* вместо *yil'e-s°-ɲe'* (13g, с. 321), *tiki°* вместо *t'iki°* (38b, с. 279), *s'eneɲ°* вместо *s'en'eɲ°* (с. 456, два раза), *t'ore-* вместо *t'or'e-* (19, с. 231), *t'en'ewə°-dih* вместо *t'en'ewə°-d'ih* (74a, с. 413) и прочие. Отдельные примеры просто пестрят неточностями и опечатками; ср. **Wera-xəd s'anako-m ɲamge mənɲa-r°?* вместо **Wera-xəd s'anako-m ɲamke mənɲa-r°?* (36d, с. 239), где на четыре слова приходится пять ошибок.

Одну из наибольших трудностей при фонемизации представляет различие полных (не краткой *э* и не редуцированной °) гласных после *x*, поскольку в этом контексте в ненецком действует так называемая «гармония гласных»: после *x* и (в ряде известных случаев) *q* качество *ə*, ° и зачастую *a* соответствует качеству предшествующей гласной (при сохранении количественных различий). Так, например, записанные в стандартной орфографии слова *noxo* 'песец' и *nyxy* 'сила' получают у Салминена запись *noxa* и *nix°* соответственно. В то же время отмечаются, хотя и редко, случаи, когда следующая за *x* полная гласная действительно совпадает с предшествующей (не *a*); ср. *toxo-* 'выучиться', *tuxu* 'выучиться.3SG'. Возможность такого рода решений и вообще признания фонологического различия полных гласных после *x*, по-видимому, следует из того факта, что «гармония гласных» применяется хотя и систематически, но тем не менее факультативно, и произнесение [noxa] в принципе реально, и его можно порой услышать в речи ненцев, в то время как *[toxa] — невозможно. Однако в ряде случаев существуют трудности: например, корень *rixax-* 'старый' и все производные от него даны в том числе в [Salminen 1998b] с нижним подчеркиванием a, что как раз и следует читать так, что наиболее вероятна фонемизация *a*, но возможна *u* (аналогично в дополненном, улучшенном и самом современном электронном варианте [Salminen ms.]). В таких случаях особенно бросается в глаза разноречивость в записи подобных слов в грамматике. Так, слово 'старуха; жена' и диминутив от него встретились девять раз как *rixax'a(-ko)* (8a, с. 62; 20a, с. 65; 22c, с. 66; 27, с. 69 (дважды); 72, с. 108; 5a, с. 142; 5b, с. 143; 51b, с. 384) и шесть раз как *rixix'a(-ko)* (34d, с. 93; с. 438; с. 448; с. 449; с. 451; с. 455). Пожалуй, большинству читателей хотелось бы видеть более единообразное оформление, раз уж для записи примеров используется транскрипция, претендующая на фонологичность.

Вызывает вопросы морфемное членение посессивных показателей. Ср. характерную цитату: «The marker of the non-possessive locative is *-xən()**a*. In the 1st person possessive forms the dative is also indicated by *-xən()**a-* and in the 2nd and 3rd person possessive forms by *-xən()**ah-*. Examples are *ɲəno-xəna* (DAT), *ɲəno-xəna-n°* (DAT-1SG), *ɲəno-xənan-t°* (DAT-2SG), *ɲəno-xənan-ta* (DAT-3SG)» (с. 63).

¹⁵ Точнее, в компьютерном наборе книги используется символ штриха (Prime).

Кажется, логично *h/n* относить к показателю посессивности и выделять две серии посессивных показателей — для прямых и косвенных падежей — как это делается в большинстве традиционных описаний (ср., например, грамматический очерк в [Терещенко 1965]). Во-первых, это избавляет от необходимости увеличивать число алломорфов для большинства косвенных падежей без веских на то оснований. Во-вторых, тот немаловажный факт, что для посессивных показателей в ненецком не все равно, оформляют они ИГ в номинативе/аккузативе или косвенном падеже, должен, на мой взгляд, отражаться в глоссировании именно посессивных показателей. В-третьих, таким образом удастся развести случаи сандхи на границе падежного и посессивного показателей и выбор между двумя действительными различными падежными показателями в зависимости от непосессивного vs. посессивного склонений, который имеет место только в DAT.SG (ср. показатели соответственно *-n^h/-t^h* vs. *-xə*).

Косвенно в пользу такого решения говорит и тот факт, что в формах POSS.1SG различные показатели получают в системе Николаевой одинаковое глоссирование (ср., например, *xada-xəna-nⁱ* ‘grandmother-LOC-1SG’ (11b, с. 63) vs. *n’abako-mⁱ* ‘elder.sister-1SG’ (40a, с. 75)), что, конечно, существенно упрощает строку глосса, но и одновременно подталкивает читателя к неверному представлению об устройстве этих форм. Очевидных путей решения проблемы здесь, по-видимому, два. С одной стороны, можно последовательно глоссировать падежный и посессивный показатели в таких случаях «через точку» (и примеры типа *to-xənanⁱ* ‘lake-LOC.1SG’ (32b, с. 72) периодически встречаются в тексте книги), что представляется странным, поскольку никаких формальных препятствий для членения здесь как раз не возникает. С другой стороны, можно сознательно пойти на увеличение строки глосса, но попытаться отразить выше описанные факты. При этом один и тот же показатель, например *-nⁱ*, будет получать два разных глоссирования — GEN.(SG).POSS.1SG и OBL.(SG.)POSS.1SG — в зависимости от того, оформляет он ИГ в генитиве, присоединяясь непосредственно к основе, или же ИГ в периферийных падежах, присоединяясь после падежного показателя. Именно последнее решение принято в настоящей работе.

Даже в соседних примерах глоссирование одних и тех же показателей в одних и тех же словах может выглядеть по-разному. Ср. *xada^o-wac^o* ‘kill-1PL.PAST’ (8a, с. 82) и *xada^o-wa-c^o* ‘kill-1PL.PAST’ (9a, с. 82). С другой стороны, непонятно, почему для формы *ɲanⁱih*, которая соответствует трем разным единицам (прилагательное ‘другой, иной’ в форме генитива, наречие ‘опять, снова’ и противительный союз ‘а, но’), используется единая глосса ‘moge’. Я не против подобной унификации в глоссах, но выбранная автором, как кажется, не отражает ни одной из перечисленных функций. Нет сомнений, что все эти употребления связаны между собой, но свойства трех единиц разительно отличаются (за союзом *ɲanⁱih* вообще закреплена позиция после первой составляющей в клаузе), и в словаре для них, конечно, будет три словарных входа (ср. [Терещенко 1965: 383]). Кроме того, в одном из примеров (42с, с. 54), призванных иллюстрировать различные употребления *ɲanⁱih*, это слово вообще отсутствует.

Неудобство возникает также тогда, когда Николаева приводит показатели в пределах основного текста не в фонологической, а в глубинно-морфонологической транскрипции (такой, в которой Салминен использовал бы заглавные буквы), но с точки зрения оформления это совсем не очевидно; ср., например, *-pɕ(‘)aɣxiə* вместо *-bcaki^o*. Встречаются, конечно, и классические ошибки в оформлении языковых примеров, например несовпадение количества дефисов в строке транскрипции и глосса; ср. *xan^otəə-d^om* ‘go-FUT-1SG’ (с. 370), *tedə-m^o* ‘reindeer-PRED-ACC.2SG’ (с. 371), *mama-h* ‘say-IMP.F.AN-GEN’ (с. 375) и пр. *Xəd^orⁱih* один раз получает глоссирование ‘of.course.LIM’ (с. 453), на следующей странице уже почему-то ‘of.course.LIM-DAT’ (с. 454) — в последнем случае количество дефисов заведомо не совпадает в строке текста и глосса. Астериск не в том месте уже имеет гораздо больше последствий для возможности неверной интерпретации примера читателем; ср. *to-b^o-ta(= *w^oh)* вместо *to-b^o-ta(= *(w^oh)* (77a, с. 111), где, согласно пояснениям к примеру, иллюстрируется как раз невозможность опущения дубитативной клитики в рассматриваемом случае.

Ошибки в глоссах и/или в записи примеров могут быть и более существенными. В примере (28d) на с. 275 форма *xanta(-d^om)* отгlossирована как ‘IMPF.PART(-1SG)’. Имперфективное причастие от глагола ‘уйти’ должно выглядеть как *xæn(’)a*. Процитированная форма в лучшем случае напоминает будущее время от *xæ-*, которое в стандартном варианте фонемизируется как *xan^otə-ə-d^om* ‘уйти.FUT-GFS-1SG.S’ (или *xa^ontə-ə-d^om* в ямальских говорах). Однако финитная форма невозможна в приводимом контексте, и пример как раз призван иллюстрировать отрицание с неглагольными предикатами. В нескольких случаях идущие подряд примеры, демонстрирующие контраст по какому-либо параметру, по ошибке оказываются одинаковыми, при этом они могут получать разную маркировку их грамматической приемлемости. Так, на с. 257 пример (16с) дан без помет, а совпадающий с ним (16d) снабжен знаком вопроса. Примеры (51с) и (51d) на с. 215 также идентичны, хотя в последнем, очевидно, должна иллюстрироваться возможность объектного согласования. Суждения о грамматической правильности примеров (53с) и (53d) на с. 306 частично противоречат друг другу.

Словоформа *xar^odə-x^onan^o* в примере (20а) на с. 393 отгlossирована как ‘house-LOC.1PL’ вместо ‘house-LOC.1SG’, *m^oat^omt^oih* — как ‘tent.ACC.3DU’ (43, с. 161) вместо ‘tent.DEST.ACC.3DU’, *pad^or-kət^o* — как ‘paper-PL.ABL’ (34а, с. 238) вместо ‘paper-DAT.POSS.PL.2SG’ (хотя *-kət^o* действительно является одним из алломорфов показателя PL.ABL, глагол *yew^ol’e-* употребляется не с аблативом, как это указано на той же странице, а с дативом). В примере (66а) на с. 105 глагольная форма *wad^oeq-məna-m^o=h* проанализирована как содержащая дубитативную клитику ‘tell-REPUT-1SG-DUB’, вместо *wad^oeq-məna-m^oh* ‘tell-REPUT-1SG.S’. Это пример из западного говора, где как раз лично-числовой показатель 1SG субъектной серии может иметь вид *-m^oh* вместо стандартного *-d^om*, о чем, в частности, свидетельствует форма прошедшего времени 1SG.S на *-mənc^o* в следующей клаузе оригинала (см. [Терещенко 1965: 83]). Кроме того, в этом примере есть еще одна вольная правка (*ηəmke-m* вместо *əmke-m* в оригинале) и устаревшая фонемизация основы рефлексивного местоимения (*xər^oq-* вместо *xər-*). Словоформа *p^oay^o-da* на с. 456 получает глоссу ‘start-3SG>SG.OBJ’¹⁶, хотя глагол в данном случае согласуется по множественному числу объекта, что видно из употребления показателя специальной финитной основы *-uə-*, использующегося как раз в объектной серии при не-единственном числе прямого дополнения и в рефлексивной серии, однако Николаева свободно опускает такие «мелочи» в глоссах, о чем подробнее см. ниже. В примерах (16с—d) на с. 148 *p^oa-wə-s^o* глоссируется как ‘start-REFL.1SG-PAST’, хотя спряжение в данном случае не рефлексивное, а субъектно-объектное. В примере (43b) на с. 430 глаголы в условной форме должны быть с показателем 2SG, а не 3SG, как они реально даны, что следует и из глосс, и из необходимости согласования с подлежащим *pidər^o* ‘ты’. В случае *xənoda* ‘sledge.PL.ACC.PL.3SG’ на с. 437 дублирование информации о том, что это форма множественного числа, сильно затрудняет чтение глоссы.

В целом глоссы дают очень упрощенное представление о внутреннем устройстве той или иной словоформы. В особенности схематично отражаются словообразовательные аффиксы. Так, *ηæwad^oar-c^o-da* (с. 270) получает глоссу ‘rest-V-IMPF.PART’, тогда как более информативной и логичной была бы, например, ‘rest-V.CAR-IMPF.PART’ (или ‘покой-VBLZ.CAR-PT.IPFV’; *ηæwad^oar*, в свою очередь, также производная основа), поскольку аффикс *-s^oə-*, алломорфом которого является *-c^o-*, выражает каритивное значение ‘быть без X-а’ (где X — то, что обозначено именной основой) и является одним из наименее вероятных кандидатов в семантически пустые вербализаторы. Примечательно, что показатель, образующий проприетивные глаголы со значением ‘быть с X-ом’ от имен, получает идентичное глоссирование *-V-*, — точно так же, как специальные показатели «одоративных» (‘пахнуть X-ом’), «каптитивных» (‘охотиться на X-ов, собирать/поглощать X-ы’) или любых других отыменных глаголов. Как при этом складывать итоговое значение глагольной

¹⁶ И. Николаева использует знак > для глоссирования показателей, кумулятивно выражающих лицо-число подлежащего и число прямого дополнения.

основы, не совсем ясно. В некоторых случаях словообразовательный показатель вообще не выделяется, хотя он определенно модифицирует семантику основы (ср. *wəyarəy^obt'e-b^oq* 'finish-COND' (с. 83), где не выделен аттенуативный показатель *-y^obt'e-*), либо словоформа предстает как нечленимая, хотя на самом деле это не так (ср. *tən'akumna* 'there' (За, с. 342) вместо *tən'a-ku-mna* 'там-DIM-PROL' или даже *tə+n'a-ku-mna* 'tot + около-DIM-PROL', *xancos'i* 'unsatisfying' (9b, с. 343) вместо *xanco-s'i* 'обладание.в.полной.мере-VBLZ.CAR.GFS.3SG.S').

Николаева периодически не членит даже такие сочетания показателей, которые не представляют никаких трудностей для морфемного членения, например, *-mta-*, являющийся комбинацией *-m-* (глагольного словообразовательного показателя, большая часть употреблений которого маркирует вхождение в новое состояние) и каузатива на *-ta-*; ср. также *xaуouа-q* 'remain.JUS-3PL' (с. 434), где отчетливо выделяется аффикс юссива *-ya-*, *sulor-p'iwə-s^o* 'fix-DUR.1SG>SG.OBJ-PAST' и *sulor-p'idəm-c^o* 'fix-DUR.1SG-PAST' (10a—b, с. 145), где *-p'i-* — один из алломорфов показателя дуратива, и никакие сандхи не препятствуют его выделению.

Еще более досадно, что к глоссированию словоизменительных показателей Николаева также подходит весьма творчески. Так, она не отмечает не только такие общепринятые нули, как номинатив, индикатив, но и третье лицо единственного числа. С учетом того, что не обозначаются также ненулевые общая и специальная финитные основы, многие глагольные формы получают только лексическую глоссу; ср. *ηət'e^o* 'wait', хотя чистая словарная основа этого глагола выглядит как *ηət'e-*, без редуцированного гласного. В случае, когда общая или специальная финитная основа образуются от производного глагола, у читателя может возникнуть иллюзия, что тот или иной деривационный показатель имеет алломорфы, которых у него на самом деле нет; ср. каузативный аффикс *-bta-*, среди ложных алломорфов которого в грамматике встречаются, в частности, *-btaə-* и *-btey-*. На с. 16 такое техническое решение объясняется тем, что в ряде случаев показатели общей и специальной финитной основ не являются сегментными, а выражаются чередованием конечной гласной словарной основы, как, например, у альтернирующих глаголов (alteration verbs в терминах [Salminen 1998b]). Однако, как кажется, ничто не мешает глоссировать в такой ситуации через точку. Напротив, объем потерянной таким образом грамматически релевантной информации и неудобства читателя, пытающегося восстановить ее, трудно переоценить. Николаева не пишет *POSS* в посессивных показателях, в результате чего глоссы посессивного склонения и предикативного согласования совпадают. Не самым удобным образом организованы глоссы объективной серии, например, 'FUT-1SG > SG.OBJ-PAST', с пробелами по обе стороны от знака > (в других местах в настоящей работе пробелы не отражаются).

Форма *n'anantoh* глоссируется как 'LOC.3PL' (3b, с. 342), в то время как *n'anan^o* на той же самой странице получает две различных глоссы, 'I.LOC' (4a) и более последовательную, 'LOC.1SG' (4b). Однако даже последний вариант отражает лишь часть релевантной информации об этих формах. На мой взгляд, важным является тот факт, что основа послелого *n'a-* 'у, около' представляет явственный случай аналитизма в сфере именной морфологии (специально о перифразах в ненецком языке см. [Nikolaeva 2012]). Именно эта основа эксплуатируется для выражения отсутствующих косвенных падежных форм (кроме номинатива и аккузатива) личных местоимений и имен в дуалисе. В этой связи я не вижу серьезных причин, по которым названные выше формы не стоило бы глоссировать, например, следующим образом: *n'a-na-ntoh* 'около-LOC-OBL.POSS.3PL' и *n'a-na-n^o* 'около-LOC-OBL.POSS.1SG'.

Не обошлось и без неправильных и невозможных форм: *yimpit^ot* 'dress.PL' (32с, с. 427) вместо *yimpitəd^oq*, *mər'kə-x^ona* 'city-LOC' (38, с. 429) вместо *mər^o-kəna* (< *mər^oq* + *-xəna-*). Парадигма императива (14, с. 86) содержит ошибочные формы IMP.2PL.O.PL *xadaə-y^o-d'ih* и *xadaə-y^o-daq* от глагола 'убить' вместо правильных *xadey^od'ih* и *xadey^odaq*, совпадающих с соответствующими формами индикатива (при не-единственном числе подлежащего). Иллюстративные формы юссива (5.3.3, с. 87) также ошибочны: 3SG *xadaə-ya* 'пусть его убьют', 3DU *xadaə-ya-x^oh* 'пусть их (DU) убьют' и 3PL *xadaə-ya-q* 'пусть их (PL) убьют' вместо *xada^o-ya*, *xada^o-ya-x^oh* и *xada^o-ya-q*. На с. 59 в падежной парадигме имени во множественном числе приведена неправильная форма непосессивного генитива *ηəno-q*, совпадающая

с номинативом, вместо правильной *ηәnu-q* (GEN.PL образуется с помощью гортанного смычного *q* от основы ACC.PL). В параграфе 4.2.6 о способах образования и значениях аблатива неоднократно повторяется ошибка: наряду с показателем *-xәd°* называются также *-xәtә-* и *-xәtәh-* (с. 64). О том, относить *h* к падежному или посессивному показателю, см. выше. Независимо от данного решения *-xәtә-* встречается только в парадигме множественного числа. К сожалению, подобного рода проблемы встречаются и в тех случаях, когда *-n-* (*h* в глубинно-морфонологической записи) не имеет никакого отношения к предшествующему аффиксу. Так, например, показатель эмфатической условной формы цитируется не только в виде *-b°qna-*, но и в виде *-b°qnan-*, причем последний вариант встречается чаще.

Презентация пролатива в параграфе 4.2.7 также содержит ошибки. В качестве первых примеров (не абзацных) читателю предлагаются формы *ηәno-wәna* (PROL), *ηәno-wәna-n°* (PROL-1SG), *ηәno-wәnant°* (PROL.2SG), *ηәno-wәnanta* (PROL.3SG) (с. 65, та же самая ошибка неоднократно повторяется в парадигме на с. 67). С точки зрения общих правил редукации в ненецком языке они выглядят закономерно, тем не менее они не встречаются. Дело в том, что присоединение показателя с начальным глайдом (*y*, *w*) к основе, оканчивающейся на гласный, как правило, вызывает появление безударной редуцированной гласной (°) в нечетном слоге (несколько подробнее см. [Salminen 1993—2012]). Таким образом, правильными формами являются *ηәno-w°na*, *ηәno-w°na-n°*, *ηәno-w°nant°* и *ηәno-w°nanta* соответственно. Это же подтверждают и примеры 22—23, взятые из [Терещенко 1965]. В корпусе примеров из данного словаря [Salminen 2014] последовательность *-wәna-* в пролативе выступает, только если в предшествующем слоге редуцированной гласной, во всех остальных случаях, в независимости от четности слога, — *-w°na-*. При этом редукация в базовом алломорфе пролатива *-mәna-/m°na-*, выступающем после согласных (и, следовательно, во множественном числе — всегда) определяется стандартными правилами и не знает исключений.

Отдельно стоит упомянуть об ошибках, представленных в текстах. Число опечаток, бывшее в оригинальной публикации [Лабанаускас 1995] и так на уровне выше среднего, стало в презентации Николаевой очень большим: *вәва* вместо правильного в оригинале *вәва* (с. 437), *Яла'* и *яла* вместо правильных в оригинале *Яля'* (с. 437) и *яля* (с. 457), *Нгәмгәда хадкэй'?* вместо правильного *Нгәмгәда хадкэй'?* (с. 438), *харкавакы* вместо *харвавакы* (с. 441), *Лобеку* вместо *Лобэку* (с. 450 и 458), *нгусуна* вместо *нгысына* (с. 450), *нгэмгэ' ёльчәнггана* вместо *нгәмгэ' ёльчәнггана* (с. 452), *ядёхана* вместо *ядёхона* (с. 454), *хане-дәтыхи'* вместо *ханесәтыхи'* (с. 460) и т. д. В ряде случаев неточности оригинала и/или отражение индивидуальных особенностей произношения «перекочевывают» и в строку фонологической транскрипции. Ср. *yad'er-mex°h* (с. 441) вместо *yader-me-x°h* и *yad'er-mi°* (с. 442) вместо *yader-mi°* (и в оригинале аналогично *ядермэхэ'* и *ядермы*, тогда как палатализованный в этой основе не фиксировался в других источниках), *so-wono-nta* (с. 445) вместо *so-wano-nta* (и в оригинале *совононта*, тогда как показатель аудитива фиксируется только в виде *-m(an)oh-* ~ *-w(an)oh-*) и др. Ряд опечаток оригинального текста исправлен, однако во многих таких случаях транскрипция исправленного слова содержит какие-то другие неточности.

«Страдает» и перевод отдельных слов и целых предложений. В примере (10b) на с. 369 словоформа *lidabtareuәw°-q* и в строке глосс, и в строке перевода переводится как 'start' вместо правильного 'спрятаться' (кроме того, она неверно поделена на морфемы — показателем 1SG.R является *-w°q*, а не *-q*). Другие случаи неверного перевода: '20 men and the woman came' (29, с. 426) вместо '20 women and the man came'; 'the day when he started to kill the reindeer' вместо 'the day when he decided to kill the reindeer' (42b, с. 331). В примере (64c) на с. 104 представлен глагол *ηә-wi°* 'be-INFR', но судя по переводу и в согласии с оригиналом [Терещенко 1965: 559] должна быть словоформа *nә-wi°* 'открыть-NARR.3SG.s'.

Имеются, конечно, и более тонкие случаи: некоторые реалии и факты так или иначе требуют хотя бы небольшого культурологического/этнографического комментария, который, к сожалению, нигде не приводится. Так, в текстах встретились слова *сябу* и *яминя*. Первое переведено как 'cargo.sledge', второе — как 'female.spirit'. И в том и в другом случае

перевод Николаевой основан на переводе в оригинальном издании текстов, однако и в том и в другом случае этого, как кажется, недостаточно. У ненцев нет просто грузовых нарт: нарта для перевозки шестов и нюков (покрышек на чум), нарта для перевозки постели и домашней одежды и прочие виды нарт имеют свои собственные названия. *Сябу* — особая нарта, связанная с сакральными представлениями ненцев. Ср. следующее подробное толкование и комментарий в [Терещенко 1965: 594]: ‘длинная нарта без настила с тремя копыльями на каждой стороне (<употребляется для перевозки досок, служащих в чуме полом, настила под постелью, листа из-под очага и мешков из-под женской обуви — так называемая «поганая» нарта>’. *Яминя* — так в ненецкой мифологии зовут жену верховного божества Нума, родившую ему, по преданию, семь сыновей. Этот персонаж (а также его двойники Янебя, Я-мюня и др.) в ненецком фольклоре связан с образом хозяйки земли, прародительницы, покровительницы рожениц, хранительницы брака и домашнего очага, лона, которое все рождает и все забирает.

Следующее утверждение противоречит как предшествующей литературе [Salminen 1993—2012; 1998b], так и моим собственным наблюдениям над восточными говорами (ср. Антипаюта, Гыда, пос. Белоярск, Тамбейская тундра): «The 1st person singular variant *-m'i* is typical of the Eastern dialects and is reflected in most examples in this book. In the Western dialects it is typically represented as *-w°* or *-m'ih*» (с. 67).

Если показатель *-w°* действительно редко используется восточнее Урала, то показатель *POSS.1DU -m'ih* вытесняет показатель *POSS.1SG -m'i* именно на территории Сибири. На опечатку данная ошибка не похожа. Более того, в соответствии с процитированным выше утверждением и замечанием о том, что большинство примеров в грамматике репрезентируют восточные разновидности ненецкого, данным во Введении, посессивный показатель первого лица единственного числа, используемый в номинативе и аккузативе, во всех случаях в грамматике представлен в виде *-m'i* (если не *-w°*), но не *-m'ih*, т. е. указанная линия проводится системно.

Встает вопрос, на каком же диалекте говорит Галина Коренёва, от которой записано большинство элицированных примеров, представленных в грамматике. Во Введении сказано, что она носитель приуральского и ямальского говоров (что опять же непонятно, как интерпретировать), но большинство показателей *POSS.1SG* даются в западных вариантах (тех, про которые Николаева пишет, что они характеризуют восточные разновидности ненецкого). Однако две редкие формы именных предикатов, где после посессивного показателя следует показатель прошедшего времени, занимающий финальную позицию в структуре ненецкого глагола, которые встретились в грамматике, дают основания полагать, что показатель *POSS.1SG* там все-таки *-m'ih*, а не *-m'i*, иначе деривировались бы формы, заканчивающиеся на *-m'is°*, а не на *-m'inc°*: **(pida) *(mən°) xasawa-m'inc°* ‘он я мужчина-*POSS.1SG.S.PST*’ = ‘Он был мой муж’ (13b, с. 256), *t'uku° tol° mən° nile-m'inc°* ‘этот стол я под.*ADJ-POSS.1SG.S.PST*’ = ‘Этот стол был подо мной’ (7b, с. 253). Последний пример следует в грамматике за примером, отличающимся лишь на одну деталь: время ассерции в предложении (7a, с. 253) включает момент речи, соответственно, употреблена немаркированная временная форма (традиционно именуемая аористом) и атрибутивная форма послелого ‘под’ с показателем *POSS.1SG* дана в виде *nile-m'i*.

Результатом чего является описанная выше системная ошибка — сознательной правки или неаккуратной транскрипции, — я судить не берусь, но в корпусе текстов, записанных от Галины Коренёвой и приведенных на сайте <http://larkpie.net/recordings/tundra-nenets>, «звонкий» (или «назализ(ир)ованный») гортанный смычный в показателях *POSS.1SG*, там, где он не должен выпасть в соответствии с правилами сандхи на границе слов, дает о себе знать, хотя там он тоже не отражен в транскрипции. Из всего этого сюжета можно сделать два небольших вывода: 1) если мы регулярно слышим что-то, что не укладывается в нашу стройную картину, это необходимо отражать и в строке транскрипции, и в строке глосс — для обсуждаемого показателя *-m'ih* в восточных диалектах, таким образом, можно предложить глоссу ‘*POSS.1NPL*’; 2) если грамматика описывает не одну территориальную разновидность

языка и включает примеры, иллюстрирующие разные диалекты, то непременно найдется непустое множество читателей, которым очень хотелось бы знать, из какого идиома тот или иной пример — для этого обычно бывает достаточно одной буквы рядом с ним.

Странно выглядит презентация некоторых фактов. Так, в частности, в пункте 1.2 главы 5 сообщается, что «объектное согласование маркирует число объекта (прямого дополнения), но не его лицо» (с. 79). Наверное, из этого высказывания можно сделать правильный вывод о том, что в ненецком глаголе может индексироваться только прямое дополнение третьего лица, но во всяком случае путь от одного утверждения до другого не прямой. При обсуждении конструкций субъектного контроля с именами действия Николаева отмечает, что «все эти глаголы переходны» (с. 346). Однако в приводимом ею списке есть глагол *ye°na-* ‘надеяться’, который является двухместным непереходным и требует дативный аргумент, как это следует из примера (18b) на той же странице.

Наконец, встречаются явные опечатки: *n'anma* вместо *n'amna* (с. 362), *toxolko-da-m°d* вместо *toxolko-da-d°m* (11b, с. 255), *ηæ-x°qn* ‘eg-PL.LOC’ вместо *ηæ-x°qna* ‘leg-PL.LOC’ (39d, с. 160), *miŋqa* вместо *m'iŋqa* (46a, с. 213), *m'iŋqa-da* вместо *m'iŋqa-da* (46b, с. 214), *n'i-naq* ‘NEG-REFL.’ вместо ‘NEG-1PL.R’ (26с, с. 274) и т. п. Имеются в грамматике и «слепые» внутренние ссылки: основной текст с. 247 отсылает к примеру (56) вместо (57), текст с. 250 — к примеру (2b) вместо (2с) (последний находится уже на с. 251), текст с. 254 — к примеру (9с) вместо (9f); на с. 419 перед примерами (14a—b) два утверждения отсылают к одному и тому же примеру (14a), хотя последнее должно отсылать к (14b). Имеются неточности и в библиографии, где, например, разные статьи [Амелина 2011] и [Амелина 2012] названы абсолютно одинаково, а название журнала «Урало-алтайские исследования» в разных местах представлено то как *Uralo-Altajskie Isseldovanija*, то как *Ural-Altäische Forschungen*.

3. Интерпретации

Формулировки и интерпретации, как правило, предельно неформальны, что в принципе нормально и типично для описательной грамматики, но порой Николаева опускает даже необходимую аргументацию и сразу приступает к выводам. Так, выглядит недостаточно доказанной, на мой взгляд, позиция, в соответствии с которой Николаева считает форму, сочетающую показатели будущего и прошедшего, отдельным временем, а не наклонением, например. В грамматике Николаевой выделяется пять времен, и здесь она идет вразрез с предшествующей литературой. В отечественной традиции принято говорить о трех временах (настоящее, или «аорист», прошедшее и будущее). Салминен в своих описаниях [Salminen 1997: 54—55; 1998b: 34—35; 1993—2012] считает показатели будущего словообразовательными, а не словоизменительными — в первую очередь на основании того, что они сочетаются с показателями условного деепричастия (*yexara-ə-d°m s'erta-ŋko-b°ta=w°h* ‘не.знать-GFS-1SG.S сделать-FUT-COND.POSS.3SG=DUB’ = ‘{ЛК: Он уверяет,} не знаю, сделает ли’ [Терещенко 1965: 95]) и прошедшего времени (такие формы чаще всего используются в условных контрфактических предложениях, в связи с чем они признаются конъюнктивом и рассматриваются среди наклонений в очерке [Буркова 2010], однако они могут выражать также нереализованную ситуацию в прошлом или желание) в пределах одной словоформы. В описании Николаевой и формы будущего, и формы будущего-в-прошедшем трактуются как временные. Кроме того, она причисляет к временам и хабитуалис. Согласно Салминену, такие формы (называемые им «хабитивными»), так же как и формы будущего, являются словообразовательными дериватами с дефектной парадигмой, которые, однако, в ряде говоров могут находиться на пути грамматикализации в наклонение.

В некоторых местах грамматики обобщения, формулируемые Николаевой, выглядят нарочито туманными. Например, на с. 368 она отмечает, что имена действия в дативе выражают либо одновременность, либо предшествование во времени ситуации в зависимой клаузе относительно ситуации в главной клаузе. При этом не хватает хотя бы элементарной

информации о том, в каких случаях данная конструкция выражает то или иное таксисное значение. Насколько позволяют судить три приведенных примера, контекстное значение конструкции в этом случае, так же как и в обстоятельственных предложениях времени с (простым) деепричастием (modal converb), зависит от акциональности предиката в зависимой клаузе: если он перфективен, то мы наблюдаем значение предшествования; если он имперфективен, то конструкция будет прочитываться как выражающая (полную или частичную) одновременность. Примечательно, что в разделе 16.2.3 семантика обстоятельственных предложений с простым деепричастием описана не просто еще более туманно, но и неточно. В целом семантике этой конструкции посвящено одно предложение и три примера, а остальные четыре страницы занимается описанием ее синтаксических особенностей. На с. 377 сообщается, что «модальные конвербы (= (простые) деепричастия, согласно терминологии, принятой в данной работе. — *И. С.*) обозначают различные типы предложений образа действия (manner clause), одновременных с главной клаузой, и могут иметь добавочные временные, условные или причинные значения».

С этой формулировкой нельзя в полной мере согласиться. Ненецкое деепричастие является контекстным в терминах [Недялков 1990; Nedjalkov 1995], т. е. имеет более двух обстоятельственных значений, проявляющихся в определенном контексте. Если прагматически более естественно прочтение конструкции не во временном смысле, то на первый план выступает одно из значений обусловленности (цель, причина и пр.) или образа действия (какое именно, полностью зависит от контекста). Однако собственно таксисная интерпретация конструкции всецело определяется названной выше закономерностью, т. е. напрямую зависит от перфективности vs. имперфективности глагола, от которого образовано деепричастие. И обстоятельственные предложения с простым деепричастием могут, конечно, выражать не только одновременность, но и (контактное) предшествование во времени ситуации в главной клаузе.

Распределение непереходных глаголов на два парадигматических типа (изменяющиеся по субъектному vs. рефлексивному спряжению) признается в грамматике абсолютно немотивированным. Действительно, объяснить, почему глагол 'уйти' принимает личностные показатели субъектной серии, а глагол 'выйти' — рефлексивной серии, вряд ли представляется возможным. В то же время рефлексивное спряжение, общей спецификой которого является запрет на прямое дополнение, а также перфективность, предельность и референция только к ситуации изменения состояния, но не к результирующему состоянию, участвует в ненецком в образовании каузативно-декаузативных пар (в неудачной терминологии влиятельной статьи [Haspelmath 1993] «inchoative/causative»), а также маркирует пассивные глаголы на *-ra-*, инхоативные с показателем *-l(ə)* и некоторые другие дериваты. Глагольные формы с показателем рефлексивной серии относительно редко обозначают собственно рефлексивные (обычно лишь с глаголами grooming/body motion) и, кажется, никогда — естественно взаимные (naturally reciprocal в терминах [Kemmer 1993]) ситуации.

Среди других случаев употребления данной согласовательной серии отчетливо выделяется инхоативное (в терминах [Plungian 1999]) значение; ср. *t̄i-* (субъектная серия) 'сидеть' vs. *t̄i-* (рефлексивная серия) 'сесть'. Подобные примеры засвидетельствованы и в других северносамодийских языках [Терещенко 1979; Siegl 2011]. В статье [Burkova 2013], посвященной средствам выражения инхоативного значения в тундровом ненецком, данная возможность специально не рассматривалась, но упоминалась. Случаи, когда одна и та же глагольная морфология отвечает за образование декаузативных дериватов от предельных переходных глаголов и инхоативных дериватов от непредельных непереходных глаголов, пусть и немногочисленны, но известны в типологической литературе, ср., например, литовский [Arkadiev 2013] и грузинский (см. ссылки там же).

Отдельная проблема состоит в том, считать ли рефлексивное спряжение деривацией или нет. Отчасти этот вопрос затрагивался в [Khanina 2008], но полноценного решения не получил. В указанной статье приводится по большому счету лишь один аргумент против того, что это деривация (и за то, что «рефлексивный» глагол и соотносимый с ним глагол другого

типа спряжения являются как бы одной лексемой), — наличие сразу двух интерпретаций в нефинитных формах. Однако нефинитные формы представляют собой предикации с неполной структурой, которые в ряде отношений могут вести себя иначе, чем полные предикации (см., в частности, [Татевосов 2006; 2014]). В качестве других параметров могут выступать критерии морфологической маркированности и продуктивности (ср. обсуждение в [Kórtvély 2005] и аргументацию, предложенную для греческого в [Haspelmath 1993], согласно которой медиальное спряжение должно быть признано в греческом антикаузативной деривацией). О том, как еще можно описывать рефлексивное спряжение и в целом актантно-акциональные классы ненецкого глагола см. [Татевосов рук.].

На с. 281 содержатся спекуляции относительно происхождения эмфатического отрицательного глагола *wun'ə-* (который почему-то приводится в виде *wun'í-*, хотя такой основы у него нет, так выглядит только финитная форма 3SG), который, согласно Николаевой, исторически представляет комбинацию регулярного отрицательного глагола *n'í-* и некоторой эмфатической единицы *wu-*. Мое замечание здесь касается, однако, не этого утверждения, а информации о словоизменении этого глагола. В грамматике отмечается, что он не имеет регулярной формы прошедшего времени (и при референции к прошлому должен стоять в интеррогативе), а в остальном его словоизменение идентично словоизменению стандартного отрицательного глагола *n'í-*. Это не соответствует действительности, поскольку *n'í-* в финитных формах индикатива получает удлинение гласного до *n'í-*, чего не происходит с *wun'ə-*.

Глагол *p'í-nə-* 'вариться' образован не от *p'ir'e-* 'сварить', как это следует из (8) на с. 227, а от основы *p'í-* 'свариться', так же как и каузатив *p'ir'e-*. Отношения между *s'ator-* 'искусать' и *s'ato-rə-* 'кусаться' также сложнее, чем то предполагает (8). Если бы *s'ato-rə-* был образован от *s'ator-* с помощью суффикса *-rə-*, как следует из описания Николаевой, это дало бы *s'atolə-* по общим правилам ненецкой морфонологии. На самом деле *s'atorə-* образован либо от связанной основы **s'ato-* с помощью *-rə-*, либо от *s'ator-* с помощью непродуктивного аффикса *-ə-*, как указывает нотация в [Salminen 1998b: 132].

Форма *temta-ra-bta°*, отгlossированная как 'буу-PAS-CAUS' (25b, 235), не имеет отношения к пассиву. Сочетание пассивного и каузативного показателя в таком порядке во всех случаях, где оно фиксируется в ненецком, дает пермиссивную каузативную семантику, чего не наблюдается здесь. Скорее всего, здесь на самом деле к исходной основе 'купить' последовательно присоединены два каузативных показателя (менее вероятно, но не исключено, что это один показатель *-rəbta-*). В пользу этой точки зрения косвенно свидетельствует форма *temta-ra°*, отгlossированная как пассивная 'буу-PAS' (50c, 405), но очевидным образом являющаяся активной. Пассивная форма требовала бы специальной финитной основы, согласовательного показателя рефлексивной серии и — в большинстве идиолектов — чередования конечной гласной основы *a > e*, что дало бы *temta-re-y°-q* 'купить-PASS-SFS-3SG.R'. Кроме того, помимо подлежащего, с которым согласуется глагол, в клаузе есть и прямое дополнение, выраженное ИГ в аккумулятиве. Таким образом, ближний к основе *temta-* каузативный показатель делает предикат конверсивным (то есть по сути он обозначает ту же ситуацию, но в которой произошло коммуникативное перераспределение ролей, и главным участником становится исходный контрагент, что нормально для такого рода предикатов не только в ненецком, но и во многих других языках), а второй, более «внешний» показатель каузатива, по-видимому, обозначает более высокую степень манипулятивного усилия, с чем согласуется и перевод примера (25b) на с. 235. Специально о некаузативных эффектах каузативной морфологии в ненецком в сопоставлении с другими северносамодийскими языками см. [Стенин в печати].

На с. 87 Николаева утверждает, что зависимый гортатив обозначает ситуацию свободного выбора и приводит следующий пример:

- (16) *xə-n'a-r'i-na*   *yil'e-xə-d'm*,   *s'ita*   *t'en'e-ə-d'm*
 Q-около-RESTR-LOC   жить-NORT-1SG.S   PRON.ACC.POSS.3SG   помнить-GFS-1SG.S
 'Где бы я ни жил, я помню его' (с. 87).

Однако свободный выбор обозначает любое сочетание «интраклитики» *-r'i-* с местоименными основами (*xən'a-* представляет собой сочетание (compound) вопросительной основы *xə-* и послеложной основы *n'a-*). Другой вопрос, какие глагольные формы возможны в таком контексте. По крайней мере юссив там тоже возможен, судя по примерам (20a—b) на с. 88.

На с. 120 *n'ĩ=ŋow°* анализируется как сочетание отрицательного глагола и «фокусной» клитики в отсутствие коннегativa, что делает этот случай исключительным, поскольку ни в каком другом случае клитика *=(ŋo)w°/ey°* не сочетается с отрицательным глаголом. Однако *n'ĩ=ŋow°* может быть обычным (хотя и лексикализованным) сочетанием *n'ĩ ŋa-q* 'NEG.3SG.S быть-СН' и *=(ŋo)w°*, и тогда отпадает необходимость в постулировании исключений. На с. 123 Николаева сообщает о том, что обнаружила формы третьего лица объектного спряжения, в которых дубитативная клитика *=m'h* располагается между основной и согласовательным показателем и выражает мягкое побуждение; ср. *temtaə-m°-da* 'купить-DUB-3SG>SG.OBJ' = 'пусть он купит это', *temtaə-m°-doh* 'купить-DUB-3PL>SG.OBJ' = 'пусть они купят это'. Реальная фонемизация и глоссы представляются, однако, следующими: *temta-ə-mta* 'купить-GFS-ОПТ.3SG.О' и *temta-ə-mtoh* 'купить-GFS-ОПТ.3PL.О'. Таким образом, эти формы являются объектной серией опатива, что согласуется и с переводом, который приводится в примерах (аналогичные формы можно найти в соответствующем параграфе на с. 87; правда, Николаева называет их юссивными, в отличие от предшественников). Анализ Николаевой не работает по определению, так как начальный *m* дубитативной клитики, так же как начальный *m* любого другого маркера должен был бы перейти в *w* между гласными, что отмечает сама Николаева. Кроме того, для дубитативного показателя нехарактерна такая семантика — большинство его употреблений так или иначе связано с ассерцией, но не с иллюкутивной силой: он либо выражает сомнения говорящего относительно Р, употребляясь в альтернативных вопросах и прочих дизъюнкциях, либо, напротив, эмфатическое утверждение, будучи использован в специальных конструкциях с отрицательными глаголами. Наконец, не отмечено ни одного случая, когда показатель *=m'h* занимал бы неконечную позицию в словоформе, т. е. это действительно клитика, а не «интраклитика».

При описании имен действия с послелогам в качестве предикатов обстоятельственных предложений Николаева отмечает буквально следующее: «Послелог *s'er°h* может дополнительно означать 'чем более... тем более'»¹⁷ (с. 370). Это тот нередкий в традиционных грамматиках многих языков случай, когда постулируется значение, возникающее в определенном контексте, но при этом никак не являющееся частью толкования языковой единицы (аффикса, слова, конструкции). Однако Николаева, несомненно, весьма опытный семантист, чтобы не допускать подобных «вольностей» в описании. В тех двух примерах, которые она приводит в данной связи, шкала эксплицитно задана как в главной, так и в зависимой клаузах: модеративом (аттенуативным дериватом, указывающим на большую степень проявления признака по сравнению с эталоном) от корня *ŋoka-* 'много, многий', имперфективным производным от трансформативного глагола *ŋok°m-* 'увеличиться' (обозначающего переход в новое состояние и являющегося в свою очередь производным от того же корня), компаративом от диминутива от наречия 'далеко' и т. д.:

(17a) *ŋar°ma-nta* *s'er°h* *ŋoka-mpo-w°na* *t'en'ewə°*
 вырасти.NMLZ.IPFV-GEN.POSS.3SG когда много-MODER-PROL знать-GFS.3SG.S
 'Чем больше он растет, тем больше он знает' (с. 370).

(17b) *ŋa-ku-rka-x°q* *m'ima-naq* *s'er°h*
 далекий-DIM-COMP-DAT.PL идти.NMLZ.IPFV-GEN.POSS.1PL когда
tudako-q *ŋok°m-tə-nə°-q*
 гриб-PL много-TRANSL-IPFV-IPFV-GFS-3PL.S
 'Чем дальше мы идем, тем больше грибов становится' (там же).

¹⁷ В оригинале: «The postposition *s'er°h* can additionally mean 'the more... the more'».

Некоторые термины, используемые в работе, представляются спорными, и этот аспект можно было бы долго обсуждать, однако я позволю себе лишь два замечания. Во-первых, вызывает вопросы использование одних и тех же терминов для разных явлений. Так, дубитативом называется и одно из глагольных наклонений, и клитика $=m^h$, слово «focus» реферирует и к клитике $=(\eta o)w^o/eu^o$, и к «интраклитике» $-x\acute{a}rt\acute{a}$. Гораздо более тревожно, что и глоссы для них используются одинаковые, а ведь это все-таки не несколько аффиксов каузатива с непонятным распределением, а априори различные показатели. Во-вторых, в разделе про вторичные основы (пункт 3.2, глава 2) Николаева пишет о том, что для глаголов различаются общая финитная и рефлексивная основы (с. 25), и заявляет, что эта терминология восходит к работе [Salminen 1997]. Однако в указанной работе, как и во всех других известных мне работах Салминена, противопоставляются общая финитная и специальная финитная основы (в пункте 3.2.3 этот факт все-таки указан верно). Термин «рефлексивная основа», по-видимому, является нововведением Николаевой, и нововведением не очень удачным по той простой причине, что специальная финитная основа используется не только в рефлексивном спряжении, но и в объектном — в случае, если прямое дополнение множественного числа.

4. Полнота охвата данных

При обсуждении нерегулярных глагольных основ не упоминается аналогический вариант имперфективного причастия $to-na$ от глагола $to-$ ‘прийти’, фиксируемый наряду с $to-da$ в западных говорах. Кроме того, не говорится о существовании особой формы второго коннегатива от глаголов $\eta\acute{x}$ - ‘быть’, $x\acute{x}$ - ‘уйти’ и $ma\acute{h}$ - ‘сказать; подумать’. У этих трех частотных глаголов существует специальная форма так называемого второго коннегатива, отличная от обычного коннегатива и используемая в конструкции эмфатического утверждения, в которой за ним следует отрицательный глагол с обязательной клитикой $=m^h$, тогда как во всех остальных случаях стандартное отрицание предшествует коннегативу; ср. $\eta\acute{x}q$ vs. стандартный коннегатив ηaq , $x\acute{x}q$ vs. xan^oq , maq vs. man^oq . Глоссирование, принятое в книге, игнорирует этот факт, и две разных формы, используемые в различных конструкциях с противоположным значением, получают одинаковую глоссу.

В главе 3.7 Николаева упоминает в качестве одного из двух средств образования числительных второго десятка слово $u\acute{a}nk^o n^a$, однако в разных диалектах встречаются весьма различные способы. Ср., например, слово $wata$, встречающееся в том числе в примерах в грамматике (7а, с. 81). Для обозначения приблизительного количества помимо названных слов s^an^o и p^ir может также использоваться клитика $=m^an^o$.

Относительно некоторых эпистемических наклонений неясно, могут ли они употребляться во всех лицах. Так, примеры на дубитатив («суперпробабилитив» в работах Салминена) содержат только предикации с подлежащим 3-го лица. Про многие наклонения сообщается, что они могут иметь инферентивное значение, но никаких конкретных данных о дистрибуции этих форм не сообщается. Более того, не до конца понятно, насколько вообще все они сосуществуют в пределах одного идиома/идиолекта. Ничего не говорится о том, как семантика различных видо-временных форм в косвенных наклонениях (в частности, тех, которые исторически образовались на основе причастий) отличается от семантики соответствующих видо-временных форм в индикативе. В целом относительно большей части раздела 5.3 (и многих других разделов в книге) непонятно, какого объема материал привлечался для анализа, потому что в качестве иллюстраций приводятся зачастую немногочисленные примеры, найденные в [Терещенко 1965], и единичные элицитированные примеры.

На с. 230 перечисляются транзитивизирующие (transitivizing) и близкие к аппликативным (applicative-like) аффиксы $-ta-$, $-t\acute{a}$, $-ra-$, $-l(t)a-$, $-da-$, $-(la)pta(la)-$, а на с. 231 приводятся примеры на некоторые из них. Сразу нужно отметить, что не существует показателя $-t\acute{a}$ с такой функцией (правильной фонемизацией слова ‘испортить’ является $wom-ta-$), в принципе не существует показателя $-la-$ (это всегда $-ra-$ после согласного, в частности, инхоативного показателя $-l-$), $-lta-$, как правило, представляет собой комбинацию инхоативного $-l-$ и $-ta-$ (и в этом

случае нет нужды специально оговаривать, что каузативная деривация в ряде случаев сопровождается инхоативной семантикой, как это делает Николаева на с. 231), так же как *-labta-* — комбинацию *-la-* (т. е. *-ra-* после согласного) и *-bta-*, а *-btala-* во всех известных случаях — *-bta-*, *-l-* и *-ra-*. К оставшимся *-ra-*, *-ta-*, *-da-*¹⁸ и *-bta-* необходимо добавить (исторически сложный, но синхронно не членимый) показатель *-rəbta-* (с алломорфом *-labta-*, выступающим после согласных), о котором Николаева даже не упоминает. Показатели с палатализованным согласным *-t'e-*, *-bt'e-* и *-r'e-* (*-l'e-*) диахронически несомненно являются (мор)фонологически обусловленными вариантами показателей *-ta-*, *-bta-* и *-ra-* (*-la-*), и для ряда глаголов в ряде идиомов используются варианты как с палатализованным, так и с непалатализованным согласным, без каких-либо различий в семантике, так что их для целей описания этого фрагмента ненецкого словообразования можно условно считать свободными вариантами.

В то же время необходимо отличать увеличивающие валентность предиката *-bt'e-* и *-bta-* от аттенуативного аффикса *-y'bt'e-*, выступающего также в виде *-i'bta-* (после основ на *ə*; изредка этот показатель также может иметь вид *-y'bta-*, *-bte-*), что часто не так уж просто, но не невозможно. Однако Николаева, по всей видимости, полностью игнорирует этот факт; ср. в этой связи ее замечание о том, что «каузативные дериваты от переходных глаголов могут иметь диминутивное значение» (с. 232). При этом по крайней мере один из приводимых в этом месте примеров (*lad°* — ‘ударить’ > *lad°pta-* — ‘слегка ударить’) является, скорее всего, аттенуативным дериватом, а не каузативным (в словаре [Терещенко 1965: 172] он имеет вид *ladi°bta-*); остальные отсутствуют в словарях, и их сложнее прокомментировать. Данный раздел содержит и некоторые другие неточности (так, глагол *m'in-* ‘идти’, про который эксплицитно сообщается, что он не образует каузатива, на самом деле имеет каузативный коррелят *m'in°r'e-* ‘вести; везти’, хотя последний и образован не абсолютно регулярно, со вставкой эпентетической редуцированной гласной), однако они не столь критичны.

Среди непродуктивных дериваций не упоминается специальный показатель другой повышающей деривации — декларатива ‘считать, что P’, — не обнаруженный на настоящий момент в других самодийских языках (помимо тундрового и лесного ненецкого). В ряде работ такое значение условно считается одним из семантических типов каузатива (ср., например, обзор [Kulikov 2001]). Несмотря на то что может показаться, будто семантическая связь между каузативом и декларативом лежит на поверхности (декларатив при этом трактуют как разновидность вербальной / ментальной каузации со значением, которое неформально можно описать как ‘делать так, что P, «на словах»’ [Плунгян 2011: 280]), эти деривации, несомненно, имеют смысл рассматривать отдельно, поскольку декларатив, конечно, не вводит подсобытия каузации. О том же, какова структура ситуации, описываемая декларативным предикатом, и сколько подсобытий он описывает, кажется, никто еще всерьез не думал. Наличие специализированного средства для выражения декларативного значения довольно редко фиксируется в языках мира, среди других известных случаев — турецкий (показатель *-(I)msA-/sA-* [Göksel, Kerslake 2005: 56]), лакота и тибето-бирманский язык гьялронг (Japhug Rgyalrong) (ср. [Jacques 2013]), где он называется «тропативом»; в арабской традиции встречается также термин «эстиматив»).

¹⁸ Показатели *-ta-* и *-da-* несомненно разные и на синхронном, и на диахроническом уровне, однако там, где Салминен реконструирует гипотетический форматив с начальным горнанным смычным QTA (обычно на месте *-ta-* после основ на Сə), с точки зрения чисто синхронного описания данного фрагмента грамматической системы, возможно, удобнее считать, что там был показатель PTA (т. е. *-bta-*), первый согласный которого выпал. Это отчасти косвенно подтверждается примерами типа *təd°bta-* ~ *təd°ta-* ‘прилепить(ся), приклеить(ся)’, *waqn°bta-* ~ *waqn°ta-* ‘уложить (животное)’, *xun°bta-* ~ *xun°ta-* ‘похитить’, где разные варианты распределены по диалектам. В любом случае важно помнить, что «один и тот же» показатель на поверхностном уровне может иметь различную природу в разных словах (как в случае *n'eseym°ta-* ‘изменить’ < *n'eseyam-* ‘измениться’ и *nūl°ta-* ‘остановить’ < *nūl°-* ‘остановиться’ из числа приводимых Николаевой примеров) и, напротив, синхронно различные показатели могут быть сведены друг к другу на некотором более глубоком уровне абстракции (*n'eseym°ta-* ‘изменить’ < *n'eseyam-* ‘измениться’ и *xa-da-* ‘убить’ < *xa-* ‘умереть’).

Справедливости ради необходимо отметить, что подобное значение в ненецком могут иметь не только декларативные дериваты, но и каузативные и просто образованные с помощью вербализаторов от именных основ. Показатель декларатива присоединяется примерно к двум дюжинам основ, чаще всего — через посредство инхоативного аффикса, модифицирующего в данном случае скорее семантику всего глагола (т. е. декларатив оказывается в сфере действия инхоатива, если не признать инхоатив просто семантически пустым в этом случае). В качестве исходной основы может служить как признаковое слово (одно из базовых прилагательных), так и глагольная основа; ср. следующий пример, где исходной базой для декларативного деривата является прилагательное *səwa* ‘хороший’. Подчеркну, что *-kəbta-* на синхронном уровне нечленимый показатель, хотя, возможно, диахронически он и имеет отношение к одному из каузативных аффиксов *-bta-*.

- (18) *wiŋ-kɪ° mənc°ya-m səwu-l-kəbta-ə-w°*
 тундра-ADJ работа-ACC хороший-INCH-DECL-GFS-1SG.O
 ‘Работа в тундре мне понравилась’.

Примечательно, что среди продуктивных дериваций не рассматривается и даже не упоминается «статив-декаузатив», который затрагивает в первую очередь аргументную структуру предиката (при этом его акциональные свойства также могут изменяться). «Стативы» от непереходных глаголов, обозначающих вхождение в состояние, обозначают само это состояние, т. е. имеют результитивную семантику (*ŋamt'ο-* ‘сидеть’ < *ŋamtə-* ‘сесть’). «Стативы» от переходных глаголов, в том случае если состояние Р не может наступить самопроизвольно, также имперфективны и обозначают результат некоторой деятельности (*ŋid'ο-* ‘висеть’ < *ŋida-* ‘повесить’), при этом агенс удаляется из толкования предиката. Если же состояние Р может наступить самопроизвольно, то «стативы» от переходных глаголов имперфективны и имеют декаузативную семантику (*s'id'ο-* ‘проснуться’ < *s'id'e-* ‘разбудить’). Подробнее о многочисленных формальных способах образования «статива-декаузатива» и его параллелях в других самодийских языках см. в первую очередь [Гусев 2010], а также [Люблинская 1994; Урманчиева 2013].

Раздел 10.3, посвященный трехместным предикатам, к сожалению, не включает информации об особенностях дитранзитивных конструкций с глаголом ‘дать’. Дело в том, что в ненецком, как и в других северносамодийских языках (см., например, [Wagner-Nagy, Szevegeŋyi 2014] относительно нганасанского), их два — *m'iq-* (= *m'is-*) ‘1) дать, отдать; 2) продать’ и *ta-* ‘1) дать, подать; 2) принести, привезти, привести’, — и, помимо различий в семантике, они также имеют различия в дистрибуции в зависимости от лица реципиента. В значении ‘дать’ *m'is-* употребляется, насколько позволяет судить корпус, только с реципиентом третьего лица, тогда как *ta-* — с реципиентом первого или второго лица. Как кажется, такая ситуация уникальна с типологической точки зрения. Обычно, даже если в языке есть два глагола со значением ‘дать’, их дистрибуция определяется различиями в синтаксическом оформлении темы и реципиента (т. е. типом дитранзитивной конструкции, в соответствии с [Malchukov et al. 2010]), как, например, в мандаринском китайском [Haspelmath 2005], но не лицом реципиента.

В разделе 13.2.1 Николаева отмечает, что в сложном предложении поверхностно выраженное подлежащее зависимой клаузы, кореферентное (нулевому) подлежащему главной клаузы, оформляется номинативом. Один из двух примеров, иллюстрирующих этот тезис, недоказателен, так как в нем фигурирует условная форма глагола, в клаузах с которой подлежащее может получать как номинативное, так и генитивное маркирование независимо от отношений кореферентности с подлежащим главной клаузы, о чем сама Николаева пишет далее. Как кажется, следующий тезис автора также слишком сильный. Николаева утверждает, что в разносубъектных конструкциях ненулевое подлежащее зависимой клаузы, выраженное существительным, а не личным местоимением, оформляется генитивом, так же как лексический посессор в посессивных конструкциях. Однако даже в скромном корпусе [Salminen 2014] можно обнаружить контрпримеры. Ср. (19), где в главной клаузе

нулевое подлежащее (позицию нуля в этом случае может также факультативно заполнять эксплетивное подлежащее *num(-ta)* ‘Бог/небо/погода(-POSS.3SG)’):

- (19) *s'iqw° yal'a-h xad° ηǣ-qma-xǣd°-nta*
 семья день-GEN пурга быть-NMLZ.PFV-ABL-OBL.POSS.3SG
xayer-ηe° p'enare-y°-q
 солнце-ESS распрямиться-SFS-3SG.R
 ‘После семидневной пурги установилась ясная погода’ [Терещенко 1965: 457].

На с. 342 Николаева отмечает, что в имперсональных конструкциях деепричастие (modal *converb*), в отличие от условной формы, факультативно допускает подъем: прямое дополнение зависимой клаузы в таком случае может подниматься в главную клаузу, становиться ее подлежащим и контролировать субъектное согласование на глаголе, как *xǣn°-q* ‘нарта-PL’ в следующем примере:

- (20) *tǣmna ηoka-w'na xǣn°-q s'erta° tara°-q*
 еще много-PROL нарта-PL сделать-CVB быть.необходимым-GFS-3PL.S
 ‘Надо сделать еще много нарт’ [Терещенко 1965: 397].

Мое уточнение касается здесь не поведения деепричастия в имперсональном актантном предложении, а свойств условной формы в данной конструкции. По крайней мере в восточных диалектах (говоры сел Антипаюты и Гыды, п-ов Гыдан, ЯНАО) условная форма не просто допускает, а требует подъем прямого дополнения в этом случае. Ср. следующий пример, где аккумулятивная форма слова ‘книга’ невозможна:

- (21) *t'uku° kn'iga(*-m) tola-bǣ-b°q sǣwa*
 этот книга(*-ACC) прочитать-DUR-COND хороший.3SG
 ‘Эту книгу легко (букв.: хорошо) читать’.

В разделе 14.3 Николаева отмечает, что резумптивная стратегия релятивизации возможна не всегда, а только в том случае, если мишень релятивизации, к которой отсылает посессивный показатель, анализируемый как резумптивное местоимение, обозначает одушевленную сущность (человека или, реже, животное). По-видимому, это связано с тем, что посессивная морфология в ненецком может анализироваться как инкорпорация личного местоимения (Николаева более осторожно говорит о *pronominal force*, которую имеют посессивные показатели), а обычные личные местоимения также не могут реферировать к неодушевленным объектам. Тем не менее в литературе можно найти примеры (ср. ниже 23), аналогичные тому, который Николаева приводит под звездочкой (22). Таким образом, следует признать, что либо это все-таки возможно, хотя и маргинально, либо это зона, где существует диалектная вариативность, которая, например, обнаруживается в области каузативизации [так, дистантная каузативизация продуктивна и регулярна по крайней мере в некоторых западных диалектах, в частности, по свидетельству С. Г. Татевосова (личное сообщение), в говоре п. Нельмин Нос, но, как говорит мой собственный полевой опыт, совершенно непродуктивна в восточных диалектах]. Впрочем, возможно, существуют некоторые различия между возможностями резумптивной стратегии, использующей имена действия, и резумптивной стратегии, использующей деепричастие, о чем Николаева ничего не сообщает.

- (22) **'a-mna-nta tola-η[k]o-wa mar°q-m'i*
 около-PROL-OBL.POSS.3SG прочитать-DETR-NMLZ.IPFV город-POSS.1SG
 Ожидаемое значение: ‘город, о котором я читаю’ (с. 330).

- (23) *n'i-mn'a-nta t'ir-c° xar°dǣ-waq*
 на-PROL-OBL.POSS.3SG лететь-CVB поселок-POSS.1PL
labara-wi°-m n'ub'er-ηa
 отколоться-PT.PFV-ACC имя.VBLZ.FREQ-GFS.3SG
 ‘Поселок, над которым мы пролетаем, называется Лаборовая’ [Ерченко 2007: 76].

На с. 344 Николаева сообщает, что хотя неместоименное подлежащее условной формы обычно стоит в номинативе и контролирует лично-числовое согласование, генитивные подлежащие находятся в корпусе примеров из [Терещенко 1965]. В подтверждение своей мысли она приводит следующие примеры:

- (24a) *Wera* / *Wera-h *t'uku*^o *ti-m*
 Вэра / Вэра-GEN этот олень-ACC
xada-b^o-ta *tara-*^o
 убить-COND-POSS.3SG быть.нужным-GFS.3SG.S
 'Вэра должен убить этого оленя' (с. 344).
- (24b) *škola-xəna* *d'isc'ipl'ina* *səwa* *ŋæ-b^o-ta* *tara-*^o
 школа-LOC дисциплина хороший быть-COND-POSS.3SG быть.нужным-GFS.3SG.S
 'В школе должна быть хорошая дисциплина' [Терещенко 1965: 83].
- (25) *xab'əŋota* *n'enes^oh* *yed[ʃ]a-s'ə-da-h* *n'ah*
 больной человек боль-VBLZ.CAR-PT.IPFV-GEN с
me-b^o-ta *wæwa*
 находиться-COND-POSS.3SG плохой.3SG.S
 'Больной человек не должен находиться вместе со здоровыми' [Там же: 711].

На самом деле *n'enes^oh* в последнем примере (= (13) на с. 344) представляет собой форму не генитива, как пишет и глоссирует Николаева, а номинатива. Генитив от этого слова был бы *n'enes'ə-h* с эпентетической гласной перед падежным показателем. Однако генитивные подлежащие действительно есть в корпусе, и только такие ИГ, по-видимому, могут быть однозначно характеризованы как подлежащие зависимых клауз, возглавляемых условной формой. Для номинативных подлежащих, на мой взгляд, анализ в терминах подъема более предпочтителен.

На с. 361 Николаева сообщает, что в ненецком, «похоже», отсутствует слово с общим значением 'след', и буквальный перевод английской фразы 'the trace of where you were lying' невозможен, для этого необходимо использовать перфективное имя действия от глагола 'лежать': (*pidər^o*) *yū's'eda-qma-r^o* '(ты) лежать-NMLZ.PFV-POSS.2SG' = 'место, где ты лежал; след от твоего лежания'. Подобное использование глагольных имен в ненецком действительно распространено, но с исходной посылкой согласиться никак нельзя; слово 'след' в ненецком, конечно, есть — *ŋuq*. Более того, оно фигурирует в качестве второй части называемого в разделе 15.3 сложного слова *yū-ŋuq* 'мысль', одного из нескольких в ненецком языке, которые могут принимать в качестве компонента клаузу.

В разделе 16.2.1 (так же, как в разделе 5.4.3) говорится, что длинный показатель условной формы *-b^oqna-*, называемый эмфатическим, выражает большую уверенность говорящего, нежели короткий, не эмфатический показатель *-b^oq-*. Различия между этими формами с трудом поддаются изучению с помощью элицитации. Такое положение вещей может быть связано с их дискурсивной природой. Однако, по словам А. А. Козлова (личное сообщение), наличие двух показателей с идентичной семантикой, различающихся по длине на один слог, может быть просто реликтом некоторого ритмического/просодического принципа, существовавшего раньше. Как известно, ритмическая организация играет важную роль в грамматике северносамодийских языков, особенно в нганасанском, где, в частности, параллельно существуют ритмическая и слоговая градация. В этой связи может показаться интересным наблюдение, как кажется, не отмечавшееся раньше, — что «длинный» показатель *-b^oqna-* не встречается в позиции конца слова, т. е. когда за ним не следуют посесивные показатели. Таким образом, объяснение Николаевой в лучшем случае применимо не ко всем вхождениям данных форм.

Интерес представляют примеры с дублированием отдельных показателей. Так, дублирование показателя будущего в пробабилитивных формах значит, что будущее событие маловероятно («highly unlikely»), по замечанию Николаевой, с. 100), тогда как формы с одним показателем будущего выражают скорее среднюю вероятность. Схожим образом

второе присоединение аффикса прекатива (который образует дериваты, употребляемые в директивных наклонениях, и в норме как раз призван смягчать их директивную силу), по словам Николаевой, выражает «более сильное значение» (с. 269; см. пример (15a—b) на с. 270). Если обычный прекатив используется в контекстах мягкой просьбы, то двойной прекатив выражает скорее приказ (если это действительно так, то понятно, почему такие формы редки, ведь двойной прекатив практически ничего не добавляет к семантике императива, например). Представляется, однако, что одиночным примерам не стоит доверять, и семантика таких форм нуждается в отдельном исследовании, поскольку подобные образцы двойной манифестации встречаются и для других показателей в ненецком, в частности, для «лексического» пассива на *-ra-*; ср. следующий пример из фольклорного текста, подтверждаемый информантами:

(26) *ηoka nix°-xəna xa-da-ra-ra-ηku-n°!*
 многий сила-LOC умереть-CAUS-PASS-PASS-FUT-2SG.R

‘От большой силы ты погибнешь (т. е. многие враги тебя уничтожат)!’ [Терещенко 1990: 67].

Эффекты, вводимые двойным пассивом в ненецком, с трудом поддаются описанию. В тех редких случаях, когда семантика конечной формы более или менее композициональна, можно неформально говорить о некотором усилении ассерции, что в принципе согласуется с прочими примерами двойной манифестации. Так, для (26) информанты предлагают пояснение, что ситуация ‘убить’ произойдет непременно. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что двойной пассив в ненецком, в отличие, например, от двойного пассива в карачаево-балкарском (см. [Ljutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006; Ljutikova, Tatevosov 2015]), не может вводить каузативное подсобытие или обозначать повторное осуществление события и не является отдельной регулярной деривацией со своей собственной, независимой семантикой.

Заключение

Автор книги известна как специалист по уральским, тунгусо-маньчжурским и палеоазиатским языкам Сибири. Она активно занималась изучением и документацией западно-хантыйского (см. [Николаева 1995; Nikolaeva 1999a; 1999b]), удэгейского [Nikolaeva, Tolskaya 2001; Nikolaeva et al. 2002] и юкагирских [Nyikolajeva 2000; Nikolaeva 2006] языков. С другой стороны, ее теоретические и типологические работы всегда привлекают тонкостью и эксплицитностью анализа, пронизательностью и убедительностью (ср. хотя бы уже упоминавшиеся книги и статьи [Nikolaeva 2001; 2008; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Ackerman, Nikolaeva 2013; Matić, Nikolaeva 2014]). Выход новой грамматики представляется закономерным итогом ее исследований по тундровому ненецкому языку; ср. более ранние работы [Nikolaeva 2003; 2012], ненецкий материал в [Dalrymple, Nikolaeva 2011], огромный раздел, посвященный ненецким относительным конструкциям, в [Ackerman, Nikolaeva 2013].

Рассматриваемая грамматика написана простым и понятным языком, что делает ее в равной мере доступной как специалистам по ненецкому и уральским языкам, так и широкому кругу типологов и лингвистов-теоретиков. Несмотря на простоту и доступность изложения, описание выполнено на высоком научном уровне и учитывает достижения современной лингвистики. В особенности в синтаксических главах, составляющих больше половины книги, чувствуется глубокая теоретическая подготовка автора. Синтаксис, несомненно, одно из сильных мест Николаевой, и именно ясное и современное синтаксическое описание — это то, чего так остро не хватало ненецкому языкознанию. Остается надеяться, что и специалисты по другим самодийским и уральским языкам поддержат эту инициативу.

В грамматике Николаевой впервые или практически впервые описываются и обсуждаются структура посессивной ИГ, согласующиеся наречия, неглагольные предикаты, свойства подлежащего, относительные предложения, конструкции контроля и подъема, сочинение, средства поддержания референции в дискурсе. Вместе с тем такие традиционно

проблемные вопросы ненецкой описательной лингвистики, как фонологический статус редуцированной гласной, статус показателей прошедшего и будущего времен, граница между эпистемическими наклонениями и эвиденциальными формами, семантика ряда проспективных конструкций и пр., не получают в грамматике сколько-нибудь подробного обсуждения. Хотя описание Николаевой выгодно освещает многие яркие черты ненецкой грамматики, оно само по себе не является типологически ориентированным. Указания на типологическую частотность или уникальность того или иного явления единичны. И столь же единичны параллели с японским или тунгусо-маньчжурскими языками, высказанные мимоходом и не восполняющие этого пробела. На мой взгляд, это одна из немногих вещей, которых действительно не хватает данной грамматике. Другим таким аспектом является практически полное отсутствие ссылок на литературу по саамодийским языкам (и вообще на какую-либо литературу) в основном тексте работы. Практически все ссылки, которых и так немного, даны во Введении, а далее возникает чувство, будто грамматика родилась в вакууме. Надеюсь, в этой статье мне удалось хотя бы частично показать, что описание Николаевой возникло не на пустом месте, хотя и практически не учитывает мнения предшественников, за исключением Т. Салминена.

Несмотря на спорность ряда формулировок и интерпретаций (см. § 3) и на многочисленные ошибки и неточности в транскрипции, морфемном членении, глоссировании и переводе, подробно рассмотренные в § 2 и существенно усложняющие жизнь читателю, грамматика И. А. Николаевой задает высокую планку для будущих исследований. Остается только поздравить автора с достижением этой цели и пожелать новых успехов ненецкому и уральскому языкознанию.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADJ — адъективизатор; AN (= NMLZ) — имя действия (= номинализация); ASS — ассертивная клитика; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CN — коннегатив; COMP — компаратив; COND — условная форма; CVB — деепричастие; DAT — датив; DECL — декларатив; DEST (= PRED) — (пре)дестинатив; DETR — детранзитивизатор; DIM — диминутив; DO — прямое дополнение; DU — двойственное число; DUB — дубитативная клитика; DUR — дуратив; EMPH — эмфаза; ESS — эссив; FREQ — фреквентатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN — приименное зависимое в генитиве (в иерархии Кинэна — Комри); GFS — общая финитная основа; HORT — горгатив; IMP — императив; IMPF (= IPFV) — имперфектив; INCH — инхоатив; INFR (= NARR) — инферентив (= нарратив); IO — непрямое дополнение; IPFV (= IMPF) — имперфектив; IUS — юссив; LIM (= RESTR) — лимитатив (= рестриктивная частица); LOC — локатив; MODER — модератив; NARR (= INFR) — нарратив (= инферентив); NEC — нецесситатив; NEG — отрицательный глагол; NMLZ (= AN) — номинализация (= имя действия); NPL — множественное число; O — (субъектно-)объектное спряжение; OVL — объект; OVL — косвенная основа; OBL — именная группа в косвенном падеже (в иерархии Кинэна — Комри); OCOMP — основание для сравнения; OPT — оптатив; PART (= PT) — причастие; PAS (= PASS) — пассив; PAST (= PST) — прошедшее время; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PREC — прекатив; PRED (= DEST) — (пре)дестинатив; PROL — пролатив; PRON — основа личных местоимений; PROP — проприетив; PST (= PAST) — прошедшее время; PT (= PART) — причастие; Q — вопросительная основа; R (= REFL) — рефлексивное спряжение; REPUT — репутатив; RESTR (= LIM) — рестриктивная частица (= лимитатив); S — субъектное спряжение; SFS — специальная финитная основа; SG — единственное число; SU — подлежащее; TRANSL — транслатив; VBLZ (=V) — вербализатор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амелина 2011 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Ч. I: Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011. № 2. С. 7—38. [Amelina M. K. Accent characteristics of non-derivative nouns in the Tundra idiom of the Nenets language. Pt I: The Yamal dialect and the Kanin dialect. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2011. No. 2. Pp. 7—38.]

- Амелина 2012 — Амелина М. К. Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Ч. II: Гыданский диалект // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1. С. 7—54. [Amelina M. K. Accent characteristics of non-derivative nouns in the Tundra idiom of the Nenets language. Pt II: The Gyda dialect. *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2012. No. 1. Pp. 7—54.]
- Аникин, Хелимский 2007 — Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007. [Anikin A. E., Helimski E. A. *Samodiiskotungusoman'chzhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyedic-Tungusic lexical connections]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2007.]
- Аркадьев в печати — Аркадьев П. М. Теория грамматики в свете фактов языка каядилт // Вопросы языкознания. 2015. В печати. [Arkadiev P. M. Grammatical theory in the light of the Kayardild data facts]. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. In print.]
- Буркова 2002 — Буркова С. И. Условные конструкции в ненецком языке // Черемисина М. И., Широкобокова Н. Н. (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. С. 85—105. [Burkova S. I. Conditional constructions in the Nenets language. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. No. 8. Cheremisina M. I., Shirokobokova N. N. (eds). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2002. Pp. 85—105.]
- Буркова 2003 — Буркова С. И. Сопоставительное описание функционально-семантических полей обусловленности в лесном и тундровом диалектах ненецкого языка. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. [Burkova S. I. *Sopostavitel'noe opisanie funktsional'no-semanticheskikh polei obuslovlennosti v lesnom i tundrovom dialektakh nenetskogo yazyka* [A comparative description of the functional semantic fields of conditionality in the Forest and Tundra dialects of the Nenets language]. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2003.]
- Буркова 2004 — Буркова С. И. Условная форма глагола в ненецком языке // Кошкарёва Н. Б., Широкобокова Н. Н., Тазранова А. Р. (ред.). Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2004. С. 143—170. [Burkova S. I. Conditional verb form in the Nenets language. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. No. 14. Koshkareva N. B., Shirokobokova N. N., Tazranova A. R. (eds). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2004. Pp. 143—170.]
- Буркова 2010 — Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого округа) // Буркова С. И., Кошкарёва Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179—349. [Burkova S. I. The Tundra dialect of the Nenets language: an outline of grammar (based on the materials of Yamalo-Nenets okrug dialects). *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka*. Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. Ekaterinburg: Basko, 2010. Pp. 179—349.]
- Буркова и др. 2010 — Буркова С. И., Кошкарёва Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. [Burkova S. I., Koshkareva N. B., Laptander R. I., Yangasova N. M. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka* [A dialectological dictionary of the Nenets language]. Ekaterinburg: Basko, 2010.]
- Быконя и др. 2005 — Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2005. [Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkii dialektnyi slovar'* [Selkup-Russian dialectal dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical Univ., 2005.]
- Гусев 2002 — Гусев В. Ю. Закон Майнхофа в селькупском // Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 476—482. [Gusev V. Yu. Meinhof's law in Selkup. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (comp.). Moscow: Indrik, 2002. Pp. 476—482.]
- Гусев 2005 — Гусев В. Ю. Дополнения к нганасанскому словоизменению // Wagner-Nagy B. (ed.). Mikola-konferencia 2004. Szeged: SzTE Department of Finno-Ugristics, 2005. Pp. 15—25. [Gusev V. Yu. Amendments to Nganasan inflection. *Mikola-konferencia 2004*. Wagner-Nagy B. (ed.). Szeged: SzTE Department of Finno-Ugristics, 2005. Pp. 15—25.]
- Гусев 2007 — Гусев В. Ю. Второе прошедшее время в прасамодийском // Виноградов В. А., Агранат Т. Б., Гусев В. Ю. (ред.). Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К. Е. Майтинской. Тезисы. М.: Институт языкознания РАН, 2007. С. 50—54. [Gusev V. Yu. Second past tense in Proto-Samoyedic. *Konferentsiya po ural'skim yazykam, posvyashchennaya 100-letiyu K. E. Maitinskoi. Tezisy*. Vinogradov V. A., Agranat T. B., Gusev V. Yu. (eds). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2007. Pp. 50—54.]

- Гусев 2008 — Гусев В. Ю. Ауслатное *-w* в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса // Люблинская М. Д. (отв. ред.). Материалы 2-й международной конференции по самодистике (посвящается 100-летию со дня рождения Натальи Митрофановны Терещенко). 16—18 октября 2008 г. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 114—128. [Gusev V. Yu. Auslaut *-w* in Samoyedic languages: Nganasan-Mator isogloss. *Materialy 2-i mezhduнародnoi konferentsii po samodistike (posvyashchaetsya 100-letiyu so dnya rozhdeniya Natal'i Mitrofanovny Tereshchenko)*. October 16—18, 2008. Lyublinskaya M. D. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. Pp. 114—128.]
- Гусев 2010 — Гусев В. Ю. Стативы и декаузативы на **-w* в самодийских языках // Буркова С. И. (отв. ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск: Любава, 2010. С. 54—65. [Gusev V. Yu. Statives and decausatives with **-w* in Samoyedic languages. *Materialy 3-i mezhduнародnoi nauchnoi konferentsii po samodistike* (Novosibirsk, October 26—28, 2010) Burkova S. I. (ed.). Novosibirsk: Lyubava, 2010. Pp. 54—65.]
- Гусев 2012а — Гусев В. Ю. О возможных источниках селькупского сочетания *-lč-*: ПС **jw, *jk, *jm* // Huutiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 77—81. [Gusev V. Yu. Possible sources of the Selkup combination *-lč-*: PS **jw, *jk, *jm*. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 264.). Huutiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 77—81.]
- Гусев 2012б — Гусев В. Ю. О происхождении некоторых элементов говорки (русского таймырского пиджина) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 1. С. 106—109. [Gusev V. Yu. About the origin of some elements of govorka (Russian Taimyr Pidgin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2012. No. 1. Pp. 106—109.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. История говорки (русского таймырского пиджина) по лингвистическим данным // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1. С. 135—157. [Gusev V. Yu. History of govorka (Russian Taimyr Pidgin) according to linguistic data. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. 1. Pp. 135—157.]
- Ерченко 2007 — Ерченко М. А. Полипредикативные определительные конструкции ненецкого языка: в сопоставительном аспекте. Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2007. [Erchenko M. A. *Polipredikativnye opredelitel'nye konstruksii nenetskogo yazyka: v sopostavitel'nom aspekte*. Kand. diss. [Polypredicative attributive constructions in Nenets: in comparative aspect. Cand. diss.]. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2007.]
- Казакевич, Будянская 2010 — Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010. [Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectological dictionary of the Selkup language (The North idiom)]. Ekaterinburg: Basko, 2010.]
- Казакевич и др. 2002 — Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3: Русско-селькупский словарь. Разнопрофильные селькупские словари. М.: Издательство Московского университета, 2002. [Kazakevich O. A., Kuznetsova A. I., Helimski E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt. T. 3: Russko-sel'kupskii slovar'.* *Raznoprofil'nye sel'kupskie slovari* [Essays on the Selkup language. Taz dialect. Vol. 3: Russian-Selkup dictionary. Selkup dictionaries of different profiles]. Moscow: Moscow State Univ., 2002.]
- Козлов, Стенин 2014 — Козлов А. А., Стенин И. А. Ненецкие фокусные маркеры: два сорта неожиданности // Кузнецова О. В. (отв. ред.). Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27—29 ноября 2014 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 86—89. [Kozlov A. A., Stenin I. A. Nenets focus markers: two kinds of unexpectedness. *Odinnadtsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy докладov* (St. Petersburg, November 27—29, 2014). Kuznetsova O. V. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 86—89.]
- Кошкарёва 2005 — Кошкарёва Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2005. [Koshkareva N. B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta nenetskogo yazyka* [Essays on syntax of the Forest dialect of Nenets]. Novosibirsk: Institute of philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005.]

- Кошкарёва и др. (сост.) 2007 — Кошкарёва Н. Б., Буркова С. И., Шилова В. В. (сост.). *Пящичитай неша" вача"мы": Рассказы варьеганских ненцев. На ненецком (лесной диалект) и русском языках.* Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. [Koshkareva N. B., Burkova S. I., Shilova V. V. (comp.). *Pyashchitaj neshsa" vacha"my": Rassказы var'eganskikh nentsev [Stories of Variyegan Nenets people]. In Nenets (Forest dialect) and Russian.* Khanty-Mansiisk: Poligrafist, 2007.]
- Кошкарёва, Кулешова 2007 — Кошкарёва Н. Б., Кулешова Ж. А. Синтаксические функции неопределенно-деепричастной формы в составе полипредикативных конструкций в тундровом диалекте ненецкого языка // *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа.* 2007. № 7. С. 20—41. [Koshkareva N. B., Kuleshova Zh. A. Syntactic functions of the indefinite adverbial participle form being a part of polypredicative constructions in the Tundra dialect of Nenets. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga.* 2007. No. 7. Pp. 20—41.]
- Кошкарёва, Кулешова 2008 — Кошкарёва Н. Б., Кулешова Ж. А. Аналитические конструкции сказуемого с неопределенно-деепричастной формой глагола в тундровом диалекте ненецкого языка // *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа.* 2008. № 6. С. 74—95. [Koshkareva N. B., Kuleshova Zh. A. Analytic constructions of the predicate with an indefinite adverbial participle form of the verb in the Tundra dialect of Nenets. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga.* 2008. No. 6. Pp. 74—95.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. *Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект.* Т. I. М.: Издательство Московского университета, 1980. [Kuznetsova A. I., Helimski E. A., Grushkina E. V. *Oчерki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt.* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. I. Moscow: Moscow State Univ., 1980.]
- Лабанаускас 1995 — Лабанаускас К. И. (сост.). *Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания.* (Серия «Фольклор народов Таймыра». Вып. 5.) Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995. [Labanauskas K. I. (comp). *Nenetskii fol'klor. Mify, skazki, istoricheskie predaniya.* [The Nenets folklore. Myths, fairy tales, historical legends]. (Seriya «Fol'klor narodov Taimyra») [Series «Folklore of Taimyr peoples»], No. 5). Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1995.]
- Лейсиё 2014 — Лейсиё Л. Именные категории времени в нганасанском и других северносамодийских языках // *Вопросы языкознания.* 2014. № 1. С. 39—59. [Leisiö L. Nominal TAM in Nganasan and other Northern Samoyedic languages. *Voprosy jazykoznanija.* 2014. No. 1. Pp. 39—59.]
- Люблинская 1994 — Люблинская М. Д. Формальный результатив в ненецком языке // *Linguistica Uralica.* 1994. Vol. XXX. № 4. С. 293—297. [Lyublinskaya M. D. Formal resultative in Nenets. *Linguistica Uralica.* 1994. Vol. XXX. No. 4. Pp. 293—297.]
- Маркус, Рожанский 2011a — Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. Т. I: Водские тексты. СПб.: Нестор-История, 2011. [Markus E. B., Rozhanskii F. I. *Sovremennyi vodskii yazyk: Teksty i grammaticheskii oчерk. T. I: Vodskie teksty* [Modern Votic: Texts and a grammar outline. Vol. I: Votic texts]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.]
- Маркус, Рожанский 2011b — Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк. Т. II: Грамматический очерк и библиография. СПб.: Нестор-История, 2011. [Markus E. B., Rozhanskii F. I. *Sovremennyi vodskii yazyk: Teksty i grammaticheskii oчерk. T. II: Grammaticheskii oчерk i bibliografiya.* [Modern Votic: Texts and a grammar outline. Vol. II: A grammar outline and bibliography]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.]
- Муслимов 2014 — Муслимов М. З. Заметки на полях книги Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского «Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т.» // Мызников С. А. (отв. ред.). *Вопросы уралистики. Научный альманах.* СПб.: Нестор-История, 2014. С. 772—800. [Muslimov M. Z. Marginalia to the book by E. B. Markus and F. I. Rozhanskii «Modern Votic: Texts and a grammar outline: in 2 vol.». *Voprosy uralistiki. Nauchnyi al'manakh.* Myznikov S. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 772—800.]
- Недялков 1990 — Недялков В. П. Основные типы деепричастий // Храковский В. С. (ред.). *Типология и грамматика.* М.: Наука, 1990. С. 36—59. [Nedyalkov V. P. The main types of adverbial participles. *Tipologiya i grammatika.* Khrakovskii V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1990. Pp. 36—59.]
- Николаева 1995 — Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Heft 15.) М.; Гамбург, 1995. [Nikolaeva I. A. *Obdorskii dialekt khantyiskogo yazyka* [The Obdorsk dialect of the Khanty language]. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica. Heft 15.) Moscow; Gamburg, 1995.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammatiku*

- ticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction into grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Сорокина 2010 — Сорокина И. П. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010. [Sorokina I. P. *Enetskii yazyk* [The Enets language]. St. Petersburg: Nauka, 2010.]
- Стенин 2010 — Стенин И. А. Обстоятельственные предложения времени со значением следования в ненецком языке // Буркова С. И. (отв. ред.). Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике (Новосибирск, 26—28 октября 2010 г.). Новосибирск: Любава, 2010. С. 202—213. [Stenin I. A. Adverbial clauses of time with the meaning of succession in Nenets]. *Materialy 3-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po samodistike* [Materials of the 3rd International scientific conference on Samoyedic linguistics] (Novosibirsk, October 26—28, 2010). Burkova S. I. (ed.). Novosibirsk: Lyubava, 2010.]
- Стенин в печати — Стенин И. А. Некаузативные эффекты каузативной морфологии в северно-самодийских языках // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. В печати. [Stenin I. A. Non-causative effects of causative morphology in Northern Samoyedic languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovaniy RAN*. In print.]
- Татевосов 2006 — Татевосов С. Г. Аспектуальная композиция в предикациях с неполной структурой // Храковский В. С., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 146—150. [Tatevosov S. G. Aspectual composition in predications with incomplete structure. *Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha. Materialy*. Khrakovskii V. S., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. Pp. 146—150.]
- Татевосов 2014 — Татевосов С. Г. От имени к глаголу и обратно: заметки типолога об акциональной композиции // Казанский Н. Н. (отв. ред.) *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.) Т. X. Ч. 3. Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata*. СПб.: Наука, 2014. С. 657—691. [Tatevosov S. G. From the noun to the verb and vice versa: a typologist's notes about actional composition. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovaniy RAN*. Kazanskii N. N. (ed.) Vol. X. Pt 3. *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata*. Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 657—691.]
- Татевосов рук. — Татевосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола. Актантно-акциональные классы и типы спряжения. МГУ им. М. В. Ломоносова. Рукопись // http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/tundra_nenets_3.2.pdf [Tatevosov S. G. *Struktura i interpretatsiya nenetskogo glagola. Aktantno-aksional'nye klassy i tipy spryazheniya* [Structure and interpretation of the Nenets verb. Actant-actional classes and types of conjugation]. Lomonosov Moscow State Univ. Manuscript. Available at: http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/tundra_nenets_3.2.pdf]
- Терещенко 1947 — Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. [Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [An outline of the Nenets (Yurak-Samoyed) grammar]. Leningrad: Uchpedgiz, 1947.]
- Терещенко 1956 — Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. [Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and studies in the Nenets people's language]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1956.]
- Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. [Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkii slovar'* [Nenets-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [The Nganasan language]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Терещенко 1990 — Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990. [Tereshchenko N. M. *Nenetskii epos: Materialy i issledovaniya po samodiiskim yazykam* [The Nenets epos: Materials and studies in Samoyedic languages]. Leningrad: Nauka, 1990.]
- Турутина 2003 — Турутина П. Г. Нешау ванлат шотпялс" (Легенды и сказки лесных ненцев). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2003. [Turutina P. G. *Neshau vanlat shotpyajs"* (*Legendy i skazki lesnykh nentsev*) [Legends and fairy-tales of the Forest Nenets people]. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 2003.]

- Урманчиева 2010 — Урманчиева А. Ю. Говорка: пример структурно смешанного языка // Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. (eds). *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. (Slavica Helsingiensia. 40.) Helsinki, 2010. Pp. 179—198. [Urmancieva A. Yu. Govorka: an example of structurally mixed language. *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. (eds). (Slavica Helsingiensia. 40.) Helsinki, 2010. Pp. 179—198.]
- Урманчиева 2013 — Урманчиева А. Ю. Образование форм аориста в самодийских языках // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Малышева И. А., Калиновская В. Н. (отв. ред.). Т. IX. Ч. 2. Русская историческая лексикология и лексикография XVII—XIX веков. К 100-летию Ю. С. Сорокина*. СПб.: Наука, 2013. С. 734—767. [Urmancieva A. Yu. Formation of aorist forms in Samoyedic languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN*. Kazanskii N. N. (ed.). Vol. IX. Pt 2. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya XVII—XIX vekov. K 100-letiyu Yu. S. Sorokina*. Malysheva I. A., Kalinovskaya V. N. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2013. Pp. 734—767.]
- Хелимский 1984 — Хелимский Е. А. Две заметки о славянско-самодийских аналогиях // Иванов В. В. (отв. ред.). *Балто-славянские исследования*. М.: Наука, 1984. С. 114—123. [Helimski E. A. Two notes on Slavic-Samoyedic analogies. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. Ivanov V. V. (ed.). Moscow: Nauka, 1984. Pp. 114—123.]
- Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. [Helimski E. A. *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i* [Comparative linguistics, Uralic linguistics: Lectures and articles]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Хелимский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского (HSFM = Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta. Bd 4.) / Обработка и издание Евгения Хелимского. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007. [Yuzhno-sel'kupskaa slovar' N. P. Grigorovskogo [N. P. Grigorovskii's South Selkup dictionary (HSFM = Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta. Bd 4). Adapted and published by Eugen Helimski. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik der Universität Hamburg, 2007.]
- Шлуинский 2005 — Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. [Shluinskii A. B. *Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya. Kand. diss.* [A typology of verbal plurality: quantitative aspectual meanings. Cand. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2005.]
- Ackerman, Nikolaeva 2013 — Ackerman F., Nikolaeva I. *Descriptive typology and linguistic theory: A study in the morphosyntax of relative clauses*. (CSLI Lecture Notes. Vol. 212.) Stanford, CA: CSLI Publications, Center for the Study of Language and Information, 2013.
- Aikio 2002 — Aikio A. New and old Samoyed etymologies. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2002. Bd 57. Heft 1—3. Pp. 9—57.
- Aikio 2006 — Aikio A. New and old Samoyed etymologies (Pt 2). *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2006. Bd 59. Heft 1—3. Pp. 9—34.
- Alatalo 2004 — *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXX.) Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 2004.
- Ánte 2012 — Ánte Luobbal Sámmol Sámmol (Ante Aikio). On Finnic long vowels, Samoyed vowel sequences, and Proto-Uralic *x. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Hyytiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 227—250.
- Arkadiev 2013 — Arkadiev P. From transitivity to aspect: causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian. *Baltic Linguistics*. 2013. No. 4. Pp. 39—77.
- Blevins 2006 — Blevins J. A theoretical synopsis of Evolutionary Phonology. *Theoretical Linguistics*. 2006. Vol. 32. No. 2. Pp. 117—166.
- Burkova 2013 — Burkova S. Markers of the inchoative meaning in Tundra Nenets. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd 37. Hasselblatt C., Wagner-Nagy B. (Hrsg.), unter redaktioneller Mitarbeit von Budzisch J. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013. Pp. 13—29.
- Comrie, Keenan 1979 — Comrie B., Keenan E. Noun phrase accessibility revisited. *Language*. 1979. Vol. 55. No. 3. Pp. 649—664.

- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Daniel 2009 — Daniel M. The category of destinative in Nganasan, North-Samoyedic, and typology of prospective possession. *Materials for the report at the conference «Uralic Typology Days»*, Institute of the Estonian Language, Tallinn. November 26—27, 2009.
- Göksel, Kerslake 2005 — Göksel A., Kerslake C. *Turkish: A comprehensive grammar*. London: Routledge, 2005.
- Hajdú 1988 — Hajdú P. Die samojedischen Sprachen. *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung; Vol. I.) Sinor D. (ed.). Leiden: Brill, 1988. Pp. 3—40.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternation. *Causatives and Transitivity*. Comrie B., Polinsky M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1993. Pp. 87—120.
- Haspelmath 2005 — Haspelmath M. Ditransitive constructions: the verb 'give'. *The World Atlas of Language Structures*. Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 426—429.
- Helimski 2001 — Helimski E. Samoyedic studies: a state-of-the-art report. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2001. Bd 56. Heft 1—3. Pp. 175—216.
- Helimski ms. — Helimski E. *Tundra Nenets morphology: the high price of exhaustiveness* ([Review of:] Salminen T., Tundra Nenets inflection; Salminen T., A Morphological dictionary of Tundra Nenets; Salminen T., Nenets). University of Hamburg. Ms.
- Jacques 2013 — Jacques G. Applicative and troponic derivations in Japhug Rgyalrong. *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*. 2013. Vol. 36. No. 2. Pp. 1—13.
- Janhunen 1986 — Janhunen J. *Glottal stop in Nenets*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne Vol. 196.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1986.
- Kavitskaya, Staroverov 2010 — Kavitskaya D., Staroverov P. When an interaction is both opaque and transparent: the paradox of fed counterfeeding. *Phonology*. 2010. Vol. 27. No. 2. Pp. 255—288.
- Keenan, Comrie 1977 — Keenan E., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. No. 1. Pp. 63—99.
- Kemmer 1993 — Kemmer S. *The middle voice*. (Typological Studies in Language. Vol. 23.) Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Khanina 2008 — Khanina O. Intransitive split in Tundra Nenets, or how much semantics can hide behind syntactic alignment? *The Typology of Semantic Alignment Systems*. Donohue M., Wichmann S. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 162—196.
- Khanina, Shluinsky 2014 — Khanina O., Shluinsky A. A rare type of benefactive construction: evidence from Enets. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 6. Pp. 1391—1431.
- Kholodilova forthc. — Kholodilova M. Moksha non-verbal predication. *Mordvin Languages in the Field*. Forthcoming.
- Kiparsky 2006 — Kiparsky P. The amphichronic program vs. evolutionary phonology. *Theoretical Linguistics*. 2006. Vol. 32. No. 2. Pp. 217—236.
- Körtvély 2005 — Körtvély E. *Verb conjugation in Tundra Nenets*. (Studia uralo-altaica. Vol. 46.) Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2005.
- Kröhnert 2010 — Kröhnert L. Nordsamojedische Verbalflexion zwischen Phonologie und Syntax: Ein Ansatz im Rahmen der Distribuierten Morphologie. 2 in *Agreement*. (Linguistische Arbeits Berichte. Bd 88.) Bank S., Georgi D., Trommer J. (eds). Leipzig, 2010. Pp. 93—123.
- Kulikov 2001 — Kulikov L. Causatives. *Language typology and language universals: an international handbook*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd 20.) Vol. 2. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 886—898.
- Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XIII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1956.
- Leisiö 2012 — Leisiö L. Tempuksen ja moduksen merkintä nganasaanin nomineissa. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festskrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Hyytiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 209—218.
- Lyutikova, Bonch-Osmolovskaya 2006 — Lyutikova E., Bonch-Osmolovskaya A. A very active passive. Functional similarities between passive and causative in Balkar. *Case, Valency and Transitivity*. (Studies

- in Language Companion Series. Vol. 77.) Kulikov L., Malchukov A., de Swart P. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 393—416.
- Lyutikova, Tatevosov 2015 — Lyutikova E., Tatevosov S. Recursive passivization: a causative coercion account. *Affix Ordering Across Languages and Frameworks*. Manova S. (ed.). New York: Oxford University Press, 2015. Pp. 17—52.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: a typological overview. *Studies in Ditransitive Constructions: A Comparative Handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. Pp. 1—64.
- Maslova 2003 — Maslova E. *A grammar of Kolyma Yukaghir*: (Mouton Grammar Library. Vol. 27.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Matić, Nikolaeva 2014 — Matić D., Nikolaeva I. Focus feature percolation: evidence from Tundra Nenets and Tundra Yukaghir. *Proceedings of the 21st International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar*, University at Buffalo. Müller S. (ed.). Stanford, CA: CSLI Publications, 2014. Pp. 299—317.
- Mikola 2004 — Mikola T. *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy*. (Studia uralo-altaica. Vol. 45.) Szeged: SzTE Finnisch-Ugrisches Institut, 2004.
- Mus 2008 — Mus N. Tagadás a tundrai nyenyec nyelvből. *Nyelvtudományi Közlemények*. 2008. 105. köt. Pp. 7—45.
- Mus 2009 — Mus N. The question-words in Tundra Nenets. Vol. I: The nominal question words. *Voprosy filologii. Seriya «Uralo-altaiskie issledovaniya»*. 2009. No. 1. Pp. 43—48. [Вопросы филологии. Серия «Урало-алтайские исследования». 2009. № 1. С. 43—48.]
- Mus 2013 — Mus N. The typology of Northern Samoyedic question words. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd 37. Hasselblatt C., Wagner-Nagy B. (Hrsg.), unter redaktioneller Mitarbeit von Budzisch J. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013. Pp. 175—193.
- Mus 2015 — Mus N. Negation in Tundra Nenets. *Negation in Uralic Languages*. (Typological Studies in Language. Vol. 108.) Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2015. Pp. 75—102.
- Nedjalkov 1995 — Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs. *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds*. (Empirical Approaches to Language Typology. Vol. 13.) Haspelmath M., König E. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. Pp. 97—136.
- Nikolaeva 1999a — Nikolaeva I. *Ostyak*. (Languages of the World/Materials. Vol. 305.) München: LINCOM EUROPA, 1999.
- Nikolaeva 1999b — Nikolaeva I. *Ostyak texts in the Obdorsk dialect*. (Studia Uralica. Bd 9.) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No. 1. Pp. 1—49.
- Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. The structure of the Tundra Nenets noun phrase. *Ünnepi kötet Honti László tiszteletére*. Bakró-Nagy M., Rédei K. (szerk.). Budapest: MTA Nyelvtudományi Intézet, 2003. Pp. 315—327.
- Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. [A review article of:] A grammar of Kolyma Yukaghir. *Linguistic Typology*. 2005. Vol. 9. No 2. Pp. 299—325.
- Nikolaeva 2006 — Nikolaeva I. *A historical dictionary of Yukaghir*. (Trends in Linguistics Documentation. Vol. 25.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
- Nikolaeva 2008 — Nikolaeva I. Between nouns and adjectives: a constructional view. *Lingua*. 2008. Vol. 118. No. 7. Pp. 969—996.
- Nikolaeva 2009 — Nikolaeva I. Nominal tense in Tundra Nenets and Northern Samoyedic. *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory — 2*. Austin P. K., Bond O., Charette M., Nathan D., Sells P. (eds). London: SOAS, 2009. Pp. 241—250.
- Nikolaeva 2012 — Nikolaeva I. Periphrasis in Tundra Nenets. *Periphrasis: The Role of Syntax and Morphology in Paradigms*. (Proceedings of the British Academy. Vol. 180.) Chumakina M., Corbett G. (eds). London; Oxford: Oxford University Press, British Academy, 2012. Pp. 77—104.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A grammar of Tundra Nenets*. (Mouton Grammar Library. Vol. 65.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva I., Tolskaya M. *A grammar of Udihe*. (Mouton Grammar Library. Vol. 22.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.

- Nikolaeva et al. 2002 — Nikolaeva I., Perekhval'skaya E., Tolskaya M. *Udeghe (Udihe) folk tales*. (Tunguso-Sibirica. Bd 10.) Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.
- Nykolajeva 2000 — Nykolajeva I. *Chrestomathia jucagirica*. (Urálisztikai tanulmányok. 10.) Budapest: ELTE, 2000.
- Plungian 1999 — Plungian V. A. A typology of phasal meanings. *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. (Studies in Language Companion Series. Vol. 50.) Abraham W., Kulikov L. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1999. Pp. 311—321.
- Round 2013 — Round E. *Kayardild morphology and syntax*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Salminen 1992 — Salminen T. Russian vocabulary in Tundra Nenets. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1992. Vol. 84. Pp. 201—222.
- Salminen 1993—2012 — Salminen T. *Tundra Nenets*. University of Helsinki, 1993—2012. Available at: <http://www.helsinki.fi/~tasalmin/sketch.html>
- Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 227.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Salminen 1998a — Salminen T. Nenets. *The Uralic Languages*. Abondolo D. (ed.). London: Routledge, 1998. Pp. 516—547.
- Salminen 1998b — *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Compiled by Tapani Salminen. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXVI.) (Publications of the Databank for Endangered Finno-Ugrian Languages. Vol. 3.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
- Salminen 2012 — Salminen T. Traces of Proto-Samoyed vowel contrasts in Nenets. Hyytiäinen T., Jalava L., Saarikivi J., Sandman E. (eds). *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue*. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 264.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. Pp. 339—358.
- Salminen 2014 — Salminen T. *Tundra Nenets sample sentence corpus*. University of Helsinki, 2014. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/tn_corpus.html
- Salminen ms. — Salminen T. *Tundra Nenets lexis*. University of Helsinki. Ms. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/TN_lexis.xls
- Siegl 2011 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of northern Siberia*. (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis. Vol. 9.) Tartu: Tartu University Press, 2011.
- Siegl 2013 — Siegl F. *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 267.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.
- Spencer 2013a — Spencer A. Selkup denominal adjectives: a generalized paradigm function analysis. *Morphology in Toulouse. Selected Proceedings of Décembrettes 7*. (Toulouse, 2—3 December 2010). (LINCOS Studies in Theoretical Linguistics. Vol. 51.) Hathout N., Montermini F., Tseng J. (eds). München: LINCOS EUROPA, 2013. Pp. 231—249.
- Spencer 2013b — Spencer A. *Lexical relatedness: a paradigm-based model*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Vaysman 2009 — O. Vaysman. *Segmental alternations and metrical theory*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology, 2009.
- Wagner-Nagy (szerk.) 2002 — Wagner-Nagy B. (szerk.). *Chrestomathia nganasanica*. (Studia uralo-altaica: Supplementum. Vol. 10.) Szeged; Budapest: SzTE Finnugor Tanszék / MTA Nyelvtudományi Intézet, 2002.
- Wagner-Nagy 2001 — Wagner-Nagy B. B. *Die Wortbildung im Nganasanischen*. (Studia uralo-altaica. Vol. 43.) Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 2001.
- Wagner-Nagy 2011 — Wagner-Nagy B. *On the typology of negation in Ob-Ugric and Samoyedic languages*. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 262.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011.
- Wagner-Nagy, Szeverényi 2014 — Wagner-Nagy B., Szeverényi S. On the argument structure of the 'give' verbs in Nganasan and in Selkup. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*. 2014. No. 1. Pp. 27—37. [Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 1. С. 27—37.]